ЗНАНИЕ

Политическая история XX века

Подписная
научно-
популярная
серия

9 '91

В. Е. Мельниченко

РАКОВСКИЙ ПРОТИВ СТАЛИНА

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

9/1991

Издается ежемесячно с 1991 г.

В. Е. Мельниченко,
доктор исторических наук

РАКОВСКИЙ ПРОТИВ СТАЛИНА

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» 1991

ББК 66.61(2)271.6
М 48

МЕЛЬНИЧЕНКО Владимир Ефимович — доктор исторических наук, директор Центрального музея им. В. И. Ленина.

Редактор: *Л. Б. ЯСТРЕБОВ*

СОДЕРЖАНИЕ

Мельниченко В. Е.

М 48 Раковский против Сталина.— М.: Знание, 1991.— 64 с.— (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Политическая история XX века»; № 9).
ISBN 5-07-002102-8
30 к.

В брошюре раскрываются неизвестные страницы участия сына болгарского народа, профессионального революционера, известного советского дипломата, члена ЦК РКП(б) Христиана Георгиевича Раковского в антисталинской оппозиции. Соратник Ленина, личный друг Троцкого, яростный противник Сталина — этот удивительный человек не согнулся перед генсеком и достоин памяти наших современников. На основе новых источников автор рассказывает о его жизни и борьбе во время сталинской ссылки (1928—1934 гг.), открывает читателю правду о расправе Сталина над Раковским.

Брошюра рассчитана на лекторов, преподавателей и слушателей народных университетов, партийных работников.

0902020000 ББК 66.61(2)271.6

ISBN 5-07-002102-8

Вместо предисловия

Однажды летом 1923 г. Л. Б. Каменев и Ф. Э. Дзержинский были в гостях на даче у Сталина. За вечерней беседой зашла речь о вкусах и пристрастиях. «Самое лучшее в жизни, — сказал Сталин, — отомстить врагу: хорошо подготовить план, нацелиться, нанести удар и ... пойти спать». Записав этот эпизод весной 1933 г., Л. Д. Троцкий сделал на первый взгляд неожиданное заключение о том, что «наиболее жгучий и отравленный характер носит, несомненно, ненависть Сталина к Раковскому» [1]. Уверен, что для большинства читателей это будет новостью. Собственно, само имя Христиана Георгиевича Раковского возвращено советской истории всего три года назад. Правда, за это время опубликовано немало статей о нем, вышли первые монографии. Однако у нас еще мало кто знает о подлинном месте Х. Г. Раковского в антисталинской оппозиции, о его мужественной борьбе против Сталина в течение 20-х — начала 30-х гг. О глубокой, затаенной ненависти Генерального секретаря ЦК партии к этому удивительному человеку. О расправе Сталина над ним.

Христиан Раковский — крупная фигура интернационального масштаба. Он родился в Болгарии (г. Котел) в 1873 г., учился в медицинских вузах Женевы, Берлина, Цюриха, Монпелье (Франция), участвовал в революционном движении Болгарии, Германии, Румынии, Франции, Швейцарии, России, был делегатом всех конгрессов II Интернационала. Председатель Советского правительства Украины и член Политбюро ЦК КП(б)У в 1919—1923 гг., член Оргбюро ЦК РКП(б) в 1919—1920 гг., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1919—1927 гг., избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. Посол СССР в Великобритании и Франции в 1923—1927 гг. Человек огромного обаяния и высочайшей культуры, эрудит энциклопедического размаха, блестящий публицист и глубокий теоретик. Соратник Ленина, личный друг Троцкого, яростный противник Сталина.

Впервые Сталин почувствовал очень грозного оппонента в Христиане Раковском в 1922—1923 гг., когда председатель Совнаркома Украины бескомпромиссно вы-

---

[1] Лев Троцкий. Портреты революционеров. Составитель Ю. Фельштинский. Chalidze Publications. — 1988. — С. 329.

ступил против сталинской затеи «автономизации», предусматривавшей вхождение независимых республик в РСФСР на правах автономных. Еще в сентябре 1922 г. Х. Г. Раковский не побоялся заявить Сталину, что его линия влечет за собой «упразднение независимых республик». Он настаивал на том, что нужно «в наши союзные отношения внести определенность и эта определенность должна будет идти по линии: больше прав, больше средств, больше инициативы во всех областях отдельным советским республикам». Поняв, что Раковский не уступит, Сталин принял решение избавиться от строптивого председателя правительства Советской Украины. Какое-то время это было, говоря словами Александра Солженицына, «невысказанное решение». Помните удивительно тонкое наблюдение писателя из романа «В круге первом»? «...Сталин ощутил свою главную силу: силу невысказанного решения. Внутри ты уже решение принял, но чьей головы оно касается — тому прежде времени знать его не надо. (Когда голова его покатится — тогда пусть узнает)». Так вот, в случае с Раковским мы находимся у истоков испытания Сталиным «силы невысказанного решения» на очень крупном политическом деятеле и еще при жизни Ленина.

Правда, летом 1923 г., когда Сталин в беседе с Каменевым и Дзержинским вдруг разоткровенничался о своих тайных пристрастиях, он был не столь всемогущ, чтобы стереть Раковского с лица земли. Но именно в это время он очень ловко и коварно «нанес удар» неугодному оппоненту: Раковский был назначен заместителем наркома иностранных дел и полпредом СССР в Великобритании. Анализируя этот шаг через десять лет, Л. Д. Троцкий сделал вывод о том, что Сталину «для упрощения и облегчения дальнейшей борьбы оказалось наиболее удобным оторвать Раковского от украинской и вообще советской почвы, превратив его в посла» [2].

Сам Христиан Георгиевич не только разгадал замысел Сталина, но со смелой откровенностью написал ему об этом в июле 1923 г.: «...мое назначение в Лондон является продолжением той тактической линии, целью которой является ликвидация меня как партийного и советского работника». Конечно, он не вкладывал тогда в слово «ликвидация» то страшное содержание, которым

---

[2] Лев Троцкий. Портреты революционеров. — С. 331—332.

оно наполнится через десять лет. Однако с тех пор, как автор нашел в архиве это неизвестное письмо Раковского Сталину, его не оставляет ощущение, что Христиан Георгиевич подсознательно пророчил свою судьбу. Не исключено, что Раковский интуитивно ощущал складывание в обществе, так сказать, сталинской атмосферы, которую очень тонко передал немного позже Борис Пильняк в «Повести непогашенной луны». Думаю, что именно отсюда, с июля 1923 г., начался путь Раковского к сталинскому приговору по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» в марте 1938 г., когда он, уже 65-летний, был осужден на 20 лет тюремного заключения, а 11 сентября 1941 г. расстрелян без суда и следствия. В случае с Раковским нашла подтверждение справедливость оценки Сталина Троцким, да и не только им, как исключительно коварной и мстительной натуры.

На последних почти двадцати годах жизни Христиана Георгиевича лежит жуткая тень вождя. Раковский, не склонив головы, боролся против Сталина, а тот неуклонно шел к осуществлению своей мести. Об этом я и хочу рассказать.

В оппозиции вместе с Троцким

Итак, вторжение сталинской воли в политическую судьбу Христиана Раковского привело к тому, что во время острой идейно-политической борьбы в партии он в течение четырех лет — с осени 1923 г. по осень 1927 г. — находился за рубежом как советский полпред в Англии и Франции. Разумеется, что возможности его личного участия в этой борьбе были ограничены, в том числе участия в троцкистско-зиновьевской оппозиции, формирование которой началось весной и завершилось летом 1926 г. (Х. Г. Раковский возвратился в СССР только в октябре 1927 г.). Однако он вовсе не устранился в эти годы от анализа положения в партии, стране и от участия в антисталинской оппозиции. Скажем, в одном из документов («Проект резолюции по делу тов. Лашевича и др.»), подписанном Раковским в числе 5 оппозиционеров в июле 1926 г., отмечалось, что начавшееся с 1923 г. ухудшение внутрипартийного положения превратилось в настоящее время в опасный кризис партии. Представляется очень важным, что выход

из него Раковский видел на пути углубления и расширения внутрипартийной демократии. «Только при активном участии широких партийных масс и обсуждении волнующих партию вопросов, — считал он, — можно наиболее безболезненно изживать существующие разногласия»[3]. Этот тезис является ключевым для понимания участия Христиана Раковского в антисталинской оппозиции. Его подпись не стояла под важнейшим документом — «заявлением 83-х», с которым оппозиция выступила в мае 1927 г. Но уже в июне этого года Троцкий называл Раковского среди тех, которые «успели открыто присоединиться к заявлению 83-х».

И уж, конечно же, Христиан Георгиевич не выпал из поля зрения Сталина. По свидетельству Троцкого, тот в сентябре 1927 г. говорил: «В Париже сидит оппозиционер Раковский. Правда, он из всех оппозиционеров наиболее честно выполняет директивы Политбюро». Кстати, хотелось бы, чтобы читатель обратил внимание на эту оценку: даже Сталин не мог пока откровенно порочить самоотверженную, честную работу советского посла.

И в партии, и в странах, где Раковский был послом, его знали как оппозиционера. Более того, французская печать, потребовавшая отзыва его из Франции, по мнению самого Раковского, «исходила из предпосылки, что Раковский не найдет защиты в своем собственном правительстве, так как он принадлежит к оппозиции». Хотя Троцкий считал, что сталинское руководство не могло себя компрометировать такой предупредительностью к французскому правительству. К тому же оно не хотело иметь Раковского ни в Москве, ни в Харькове. По мнению Троцкого, Сталин вынужден был взять его публично под защиту от французского правительства и французской прессы, но под давлением французской стороны все же отозвать из Парижа. После прибытия в Москву Раковский, как писал Троцкий, «сразу попал под удары уже не французской, а советской прессы, которая подготовляла общественное мнение к предстоящим арестам и ссылкам оппозиционеров; и мало заботясь о том, что писалось вчера, изображала Раковского как врага Советской власти».

---

[3] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. — Т. 2. — М.: Терра — Terra. — 1990 — С. 30.

Не будет преувеличением сказать, что в годы зарубежья имя и позиция Раковского были тесно связаны с именем и позицией Троцкого. Сам Троцкий не упускал возможности подчеркнуть, что Раковский является его единомышленником и что «на важнейших дипломатических постах, т. е. на непосредственной охране интересов рабочего государства от капиталистических врагов, стоят в настоящее время почти сплошь оппозиционеры» (писалось это в июле 1927 г. — **В. М.**).

Да, Троцкий высоко ставил Христиана Раковского как участника антисталинской борьбы.

...Христиан Раковский познакомился с Троцким в 1903 г. Они встречались и сблизились в 1910 г., когда Троцкий приезжал на Балканы, а потом сотрудничали в 1913 г., когда тот как корреспондент ряда социал-демократических газет освещал события 2-й Балканской войны. Во время первой мировой войны Раковский помогал Троцкому материально в издании его трудов. Уже в 1915 г. Троцкий называл Раковского «старым знакомым». В одной из статей, опубликованной в октябре этого года в газете «Киевская мысль», Троцкий с большой симпатией писал о нем: «Христю Раковский — одна из наиболее «интернациональных» фигур в европейском движении... владеет всеми балканскими языками и тремя европейскими, активно участвовал во внутренней жизни четырех социалистических партий — болгарской, русской, французской и румынской — и теперь стоит во главе последней». Позже, в 1922 г., Троцкий и Раковский издали в соавторстве книгу «Очерки политической Румынии». Первую ее часть составляли газетные статьи Троцкого, написанные им летом 1913 г. на Балканах. Вторая часть книги была написана Раковским и посвящалась истории румынских политических партий после 1913 г. (в июне 1922 г. он послал Троцкому свою часть книги из Харькова в виде письма). Характерно, что в предисловии Троцкий писал: «...в этой книге моему старому другу Х. Г. Раковскому принадлежит не только заключительное письмо: большая часть глав книги писалась мною в Бухаресте или Добрудже при самом непосредственном участии Раковского, с которым вряд ли кто может сравниться в отношении знакомства со всеми особенностями политического развития стран Балканского полуострова».

Известно, что в бытность председателем Совнаркома

Украины Раковский, приезжая в Москву, иногда останавливался и жил у Троцкого. Тот вспоминал, что ему даже удавалось несколько раз увлечь Раковского на охоту. «Он ездил по дружбе и из любви к природе; сама по себе охота не захватывала его, — писал Троцкий. — Он ничего не убивал, но хорошо уставал и оживленно беседовал с крестьянами-охотниками и рыболовами». Немало говорит об их отношениях и то, что Троцкий посвятил Раковскому одну из своих книг («Литература и революция»): «Христиану Георгиевичу Раковскому, борцу, человеку, другу, посвящаю эту книгу. 14 августа 1923 г.». Думаю, что такое посвящение не в последнюю очередь имело целью поддержать Раковского в трудное для него время переезда с Украины.

Весной 1933 г., когда шел уже шестой год ссылки его старого друга, Троцкий написал биографический очерк «Раковский», в котором блестяще охарактеризовал его как политика и человека. Трудно найти более четкую и лапидарную оценку личности Раковского, чем вот эта, сделанная Троцким: «Раковский был человеком изысканной нравственной натуры, и она просвечивалась сквозь все его помыслы и дела... Доброжелательный, мягкий, органически деликатный Раковский был одним из самых несгибаемых революционеров, каких создавала политическая история». В этом очерке с особой теплотой описаны эпизоды их личной дружбы, редкого совместного досуга, отдыха. О своих отношениях с Христианом Раковским Троцкий написал так: «...мы связаны с Раковским 30-ю годами тесной личной политической дружбы...» [4].

Как и следовало ожидать, на судебном процессе в марте 1938 г. Вышинский уже сам факт дружбы Христиана Раковского с Троцким квалифицировал как сначала фракционную, потом контрреволюционную подпольную троцкистско-преступную деятельность. Христиан Георгиевич не отрицал тесные отношения с Троцким, говорил, что он его «ближайший друг, личный друг».

Однако было бы совершенно неверно объяснять участие Раковского в троцкистской оппозиции только его давними дружескими отношениями с Троцким. Вряд ли можно объяснить это, как верно заметил историк

---

[4] Лев Троцкий. Портреты революционеров. — С. 312—313; 326, 341.

В. Я. Гросул, только оторванностью от внутренней жизни Советской страны, недостаточным знанием положения дел на местах, хотя и это имело место. Считаю, что Гросул справедливо отбросил также версию о том, что участие Раковского в оппозиции было проявлением какой-то его борьбы за власть [5]. Раковский не воспринимал, отторгал любую аппаратную возню, в которой Сталин чувствовал себя как рыба в воде. По словам Троцкого, ему была «совершенно чужда область интриг».

В чем же дело? На мой взгляд, прежде всего следует иметь в виду то, что Христиан Раковский очень многое разгадал в Сталине, в частности его стремление опереться на аппарат, игнорируя мнение партийных масс, назвав это «гибельным путем». В ноябре 1927 г. он бесстрашно сказал в адрес Сталина и его ближайшего окружения: «Я жалею руководителей партии и Политбюро, если они и дальше будут считать, что можно руководить великим революционным государством в тягчайшей международной и внутренней обстановке, опираясь не на сознательного партийца, а на своего аппаратчика. Я жалею этих товарищей, когда они ищут опоры в тех людях, которые, являясь только тенью самих руководителей, будут вторить тому, что им предписывается из агитпропов, что им преподносится по шпаргалкам. Таким образом руководить страной нельзя!»

У Сталина было немало политических противников. Но редко кто из них вел борьбу столь последовательно, принципиально и бескорыстно, как Раковский. Мне кажется, что Христиан Георгиевич был одним из немногих, кто видел Сталина насквозь и не боялся говорить это, не ища для себя какой-либо, в том числе политической, выгоды. Он органически не принимал Сталина как партийного и государственного лидера, не доверял ему. Он объективно находился в оппозиции к его политическому курсу. Раковский видел далеко вперед и спрогнозировал многие тяжелые последствия сталинской политики для партии и страны. В условиях острейших дискуссий в партии, формирования оппозиции тогдашнему руководству во главе со Сталиным такая позиция Раковского не могла не привести его к той группе политических деятелей,

---

[5] См.: Гросул В. Я. Х. Г. Раковский — революционер, дипломат, публицист // Новая и новейшая история. — 1988. — № 6. — С. 173.

которые по различным соображениям противопоставили себя линии Сталина. Другими словами, приход Раковского в оппозицию в условиях 20-х гг. нужно рассматривать как закономерный результат неприятия Сталина и его политики. Я бы сказал, что этот путь Раковской прошел не без влияния Троцкого, не без взаимодействия с ним, но не в хвосте у Троцкого, но не по стопам Троцкого. Этот путь к оппозиции Христиан Георгиевич прошел по большому счету самостоятельно. Другое дело, что мысли и взгляды их многократно совпадали. Другое дело, что Троцкий занимал в Политбюро ЦК, в партии, в государстве несравненно более крупные должности, чем Раковский, его теоретический и политический вес был намного значительнее.

И еще один важный момент надо оговорить. По моему мнению, было бы методологически неверно считать, что оппозиция Сталину в то время автоматически ставила ее участников, в частности Раковского, на безусловно правильную позицию в вопросах дальнейшего развития страны. Здесь нужен научный, конкретно исторический анализ, не допускающий идеализации позиции Раковского, что уже имеет место, особенно в публицистике.

Сама деятельность антисталинской, в том числе троцкистско-зиновьевской, оппозиции не является предметом моего исследования, тем более что она пока только ожидает подлинно нового осмысления на основе глубокого и объективного изучения документов. Еще предстоит преодолеть стереотипы восприятия оппозиций 20-х гг., отказаться от предвзятого подхода к оппозиционным платформам в партии; не преуменьшая ошибок и просчетов этих платформ попытаться посмотреть на них как на альтернативные варианты так называемой «генеральной линии». Что же касается замысла автора, то он предполагает всего лишь высказать несколько своих соображений об участии в троцкистско-зиновьевской оппозиции Христиана Раковского.

По сути, ко времени возвращения Раковского в страну судьба оппозиции фактически была предрешена. Еще в октябре 1926 г. Троцкий был исключен из состава Политбюро ЦК ВКП(б), а Каменев — из кандидатов в члены Политбюро. Тогда же была признана невозможной дальнейшая работа Г. Е. Зиновьева в должности председателя Исполкома Коминтерна (из Политбюро он был выведен еще в июле 1926 г.). В октябре 1927 г. Троцкий

и Зиновьев были выведены из состава членов ЦК ВКП(б), а в ноябре исключены из партии. К этому времени уже было ясно, что оппозиция не смогла повести за собой широкие партийные массы.

И вот в этой безнадежной для оппозиции ситуации Христиан Раковский — член ЦК ВКП(б) — полностью окунается в политическую борьбу, в течение буквально трех месяцев стремительно проходит путь от яростного защитника идей и планов оппозиции к беспартийному сталинскому ссыльнику. Согласитесь, что для этого нужно было обладать незаурядным мужеством, тем более если учесть предыдущее отношение Сталина к Раковскому.

В этой связи обращает на себя внимание новый для советских биографов Раковского документ: «Оппозиция и третья сила. Не сказанная речь Раковского на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК». Эта речь была передана им в редакцию «Дискуссионного листка» в начале ноября 1927 г. В ней Христиан Раковский решительно выступил против исключения из членов ЦК ВКП(б) Троцкого и Зиновьева, называя это «...громадным ударом по всей партии». Аргументы, в том числе сталинские, в пользу такого шага Раковский назвал «бедными и убогими» и заявил, что «ленинской партии грозит опасность вследствие неправильного партийного режима». Он отверг сталинские обвинения в том, что оппозиция нарушает единство партии, переадресовав их руководству партии: «Я же вам скажу, что если бы в вашем руководстве не было никакой другой ошибки, кроме той, что вы поставили сначала вне Политбюро, а потом вне Центрального Комитета ближайших сотрудников Ленина... — этого было бы достаточно для того, чтобы вас осудили как плохих руководителей».

Мне представляется, что такая позиция Раковского объективно выдвигала его в авангард антисталинской борьбы в партии, превращала в особенно опасного противника Генерального секретаря ЦК, ведь он в отличие от уже исключенных из Центрального комитета партии лидеров оппозиции еще оставался членом ЦК ВКП(б), тем более что Христиан Раковский был одним из 13 оппозиционеров, подписавших в сентябре 1927 г. ключевой документ — «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления)». Кроме него, документ подпи-

сали Н. И. Муралов, Г. Е. Евдокимов, Г. Л. Пятаков, И. Т. Смилга, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, А. А. Петерсон, И. П. Бакаев, К. С. Соловьев, Г. Я. Лиздин, И. А. Авдеев.

Научный анализ этого большого, серьезного и очень интересного документа, состоящего из 12 разделов и затрагивающего практически все вопросы жизни партии и страны, еще предстоит осуществить (автор не претендует на решение такой сложной задачи). Позволю себе только обозначить некоторые важные моменты платформы оппозиции, которые, на мой взгляд, были особенно близки Раковскому и вобрали в себя его идеи и мысли.

Прежде всего о партии. В платформе отмечалось, что «бюрократизм растет во всех областях, но особенно губителен рост его в партии». Остро критиковалась позиция «партийных бюрократов», которые предпочитают партию рассматривать «сверху» — от Центрального Комитета, а не «снизу» — от партийной ячейки. Говоря обобщенно, авторы платформы стояли за то, что основу партии должны составлять первичные организации. Подчеркивалось, что идет систематическое уничтожение внутрипартийной демократии, а партийный устав изменяется в сторону увеличения объема прав верхушек и уменьшения прав низовых ячеек. Эти оценки отражали истинное положение дел в партии, как и вот этот бескомпромиссный вывод: «В области организационной фактическое подчинение Политбюро — Секретариату, а Секретариата — генеральному секретарю уже давно является совершившимся фактом. Оправдались худшие опасения, высказанные Лениным в его завещании, относительно того, что тов. Сталин не будет достаточно лоялен, не будет достаточно партийно пользоваться той «необъятной властью», которую он «сосредоточил в своих руках».

Думаю, что это исторически важное предостережение оппозиции, не услышанное партийной верхушкой, да и партией в целом во многом предопределило ее дальнейшее разложение.

В контексте политической борьбы и судьбы Раковского представляет особый интерес раздел «Национальный вопрос» в платформе оппозиции. Многое из того, что в нем констатировалось, Раковский предвосхитил еще в начале 20-х гг. В частности, в документе 13 оппозици-

онеров сталинский бюрократический режим обвинялся в том, что он оттесняет на задворки подлинно коммунистические элементы националов, объявляя их нередко «уклонистами», преследуя их всеми силами. Отмечалось, что подъем трудящихся масс национальных республик и областей, обусловленный Октябрьской революцией, являлся причиной того, что эти массы стремятся к непосредственному и самостоятельному участию в практическом строительстве. «Между тем, — подчеркивалось в платформе, — бюрократический режим пытается парализовать это стремление посредством запугивания местным национализмом».

Документ обвинял сталинское окружение в забвении ленинских заветов в национальном вопросе, отступлении от решений XII съезда РКП(б) в этой сфере, насаждении великодержавного шовинизма. «Назначаемые секретариатом ЦК, — говорилось в нем, — верхушки национального партаппарата берут на себя фактическое решение всех партийных и советских дел, отстраняя национальных работников, как коммунистов второго разряда, которых привлекают к делу зачастую лишь для формального представительства...». Что и говорить, болезнь диагностирована точно и в ранней стадии. Оппозиция призывала к полному отказу «от командования националами, от назначенчества и ссылок». Кроме того, выдвигалось требование: «Опубликование в печати писем Ленина по национальному вопросу, содержащих в себе критику линии Сталина в национальном вопросе».

Раздел оппозиционной платформы, посвященный национальному вопросу, представляется мне одним из наиболее проработанных и убедительных. Чувствуется, что знания и опыт Христиана Раковского, выношенные им идеи и размышления нашли в нем отражение.

Что касается Советов, то в документе была цепко схвачена тенденция отстранения их от решения основных политических, хозяйственных и культурно-бытовых вопросов, превращения в придаток к исполкомам, в руках которых сосредоточивалась целиком работа управления. Указывалось, что это «чрезвычайно усиливает влияние чиновничьих элементов на решение вопросов».

Оппозиция, безусловно, была права в определении источника той политики, которую она не принимала, того зла, которое нависло над партией и обществом — «группа Сталина», «сталинская группа». Платформа рас-

крывала методы этой группы в борьбе с оппозиционерами по состоянию на начало осени 1927 г.: «Наглухо закупорив партию, отрезав оппозицию от партийной печати, сталинская группа ведет против нас непрерывную дискуссию, приписывая нам день ото дня все больше нелепостей и преступлений». Правда, оппозиция убаюкивала себя тем, что будто бы «партиец все меньше и меньше верит этим обвинениям». Мне кажется, что авторы платформы в этом вопросе не совсем адекватно отражали реальную ситуацию в партии и стране, переоценивали свое воздействие на партийные массы и недооценивали сталинское. По крайней мере в документе говорится так: «Сталин и его ближайшие помощники убеждены, что, опираясь на свой мощный аппарат, они перехитрят все силы оппозиции, вместо того чтобы их преодолевать в борьбе...». На деле сталинская ставка на хитрость уже уступала ставке на полное исключение противников из политической жизни, их изоляцию, а «преодоление в борьбе» через несколько лет будет означать не что иное, как их физическое уничтожение. Впрочем, уже вскоре оппозиционеры, в том числе Раковский, поняли это.

Вовсе не стремлюсь идеализировать платформу оппозиции к XV съезду ВКП(б). Отмечу в ней только некоторые (далеко не все), на мой взгляд, верные акценты, идеи, выводы, созвучные позиции Христиана Раковского, которые раньше попросту замалчивались. Естественно, что всесторонний критический анализ платформы, который, повторяю, не входит в мою задачу, выявит в ней немало ошибочных суждений, несостоявшихся прогнозов, теоретических просчетов, слабостей аналитического характера. Мне же важно здесь сказать читателю, что оппозиция выдвигала в некоторых областях достойные идеи, альтернативные сталинскому курсу. Что немало ее мрачных прогнозов, к сожалению, с лихвой подтвердилось. Что уже само присутствие в оппозиции таких честных, мужественных, умных, талантливых людей, как Христиан Раковский, требует сегодня внимательного отношения к ее наследию.

Хотя, конечно же, наш современный взгляд на это наследие должен быть не бездумно восторженным, как у некоторых публицистов, а научно-критическим. В частности, нельзя не видеть: сталинская группа, немало выигрывала на том, что пыталась поставить в вину оп-

позиции выступление против новой экономической политики, хотя известно, что Раковский поддерживал ленинский поворот к нэпу. В платформе же шла речь о том, что «стихийные процессы нэпа, не сдерживаемые и не направляемые твердой классовой политикой, подготовляют дальнейшие опасные сдвиги». Естественно, что Сталин и не собирался спорить по теоретическим вопросам нэпа, он просто использовал в своей борьбе против оппозиции Н. И. Бухарина. Вышвыривая из Политбюро ЦК ВКП(б), из ЦК ВКП(б), из партии Троцкого, Зиновьева, Каменева. Сталин, конечно же, не боролся за новую экономическую политику, а решал личные, корыстные задачи. Однако это стало очевидным для тех, кто его поддерживал, в частности Бухарина, только позже. Ко времени же создания оппозиционной платформы к XV съезду партии Сталин и Бухарин действовали вместе, сообща. В самом этом документе мы неоднократно встречаем выражение «группа Сталина—Бухарина». В результате, например, хотя это может показаться странным, оппозиция обвиняла Сталина в ставке . на кулака. Сталинский крутой поворот руля вот-вот должен был произойти, но оппозиционеры об этом не подозревали

Кстати говоря, лидеры «новой оппозиции» Зиновьев и Каменев, объединившиеся в 1926 г с беспощадно критикуемым ими раньше Троцким, тоже ведь в первую очередь боролись за власть Христиан Раковский как один из активнейших участников оппозиции отличается от них отсутствием таких устремлений

Не следует также забывать, что платформу 13 оппозиционеров пронизывала очень непопулярная в широких партийных и народных массах идея невозможности построения социализма в одной стране. На XV съезде партии Сталин по этому поводу едко говорил: «Потрясите хорошенько нашу оппозицию, отбросьте прочь революционную фразеологию — и вы увидите, что на дне там сидит у них капитулянтство» Такая оценка находила поддержку в партии и народе

В то же время, естественно, партия ориентировалась оппозицией на мировую социалистическую революцию Собственно, сама ВКП(б) объявлялась «основным рычагом пролетарской революции» и «главной партией Коминтерна». Авторы платформы едко разоблачали «сползание сталинской группы с пути международной пролетарской революции».

В разделе документа «Наше международное положение и опасность новой войны» было декларировано следующее: «Война империалистов против СССР не только вероятна, но и неизбежна... Предотвратить эту опасность могла бы только победоносная пролетарская революция в решающих странах». Платформа оппозиции выдвигала лозунги, предусматривающие превращение империалистской войны в гражданскую во всех государствах, воюющих против СССР; поражение всех буржуазных государств, воюющих против СССР, — каждый честный пролетарий капиталистической страны должен активно работать для поражения «своего» правительства; переход на сторону Красной Армии солдат тех стран, которые противостоят СССР в войне.

К слову сказать, вокруг этих требований, подписанных послом СССР во Франции Раковским, разгорелся конфликт, приведший к отзыву его из страны. В начале октября 1927 г. Троцкий писал по поводу этого: «Почему французское правительство настаивает ныне на отозвании тов. Раковского? Потому что по поводу Раковского велась острая полемика. По какому случаю велась в реакционной французской печати полемика и против Раковского? По тому случаю, что Раковский подписал политическое заявление, которое объявляет долгом каждого сознательного и честного солдата империалистских армий переход в случае войны на сторону СССР». Впрочем, Троцкого ничуть не смущало то, что такая постановка вопроса вовсе не отражает точку зрения партии, он безапелляционно настаивал: эта «простая мысль... является общим достоянием каждого революционера, каждого коммуниста, каждого большевика».

Защита такой позиции вряд ли добавляла авторитета Раковскому. Выступая в ноябре 1927 г. на XVI Московской губернской партийной конференции, он резко критиковал якобы пассивное реагирование Советского правительства на провокации за границей, в частности, шла речь о дерзком нападении на советское полпредство в Пекине в апреле 1927 г., спровоцированное Англией.

— Если бы мы были в иной обстановке, — говорил Раковский, — то это могло бы послужить поводом, чтобы им ответить достойным революционным отпором.

На эти слова один из делегатов конференции выкрикнул:

— Как дать отпор? Войной?

— Да, товарищи, и войной, — запальчиво ответил Раковский. — Потому что мы — революционное пролетарское государство, а не секта толстовцев.

Подводя итог краткому анализу платформы оппозиции к XV съезду партии, подписанной Раковским, можно сказать, что в ней было немало глубоких и точных наблюдений, размышлений, оценок, выводов и конкретных предложений. Некоторые из них не потеряли своей актуальности и сегодня. Однако немало было в этой позиции и просчетов, изъянов, неправильных оценок и ориентиров, что в полной мере использовал Сталин в своих интересах.

Как натура страстная и деятельная, Раковский, конечно же, не ограничился подписанием платформы и других менее важных документов оппозиции. Он лично ринулся в бой на защиту ключевого оппозиционного документа и против «сталинской группы».

В ноябре 1927 г. Раковский — один из активных деятелей троцкистской оппозиции — выезжал на Украину с целью пропаганды ее идей и сплочения вокруг них членов партии. Он посетил Харьков, Днепропетровск, Запорожье, однако эта поездка закончилась полным крахом. 5 ноября 1927 г. Раковский присутствовал на торжественном заседании Харьковского городского Совета, посвященном десятой годовщине Великого Октября. Секретарь Харьковского окружного комитета КП(б)У П. П. Постышев 11 ноября докладывал Сталину: «На это заседание явился и Раковский, сидел на сцене, потом записался для выступления по докладу. К концу заседания ему было слово предоставлено. Не успел он встать на трибуну, как в зале поднялся невероятный шум и крики: «долой», «вон», «раскольники» и пр. Здесь я вам должен сказать, что этот самый крик и рев не являлись искусственными. Правда, актив коммунаров был подготовлен, но беспартийная масса самым искренним образом гнала Раковского с трибуны».

Как видим, П. П. Постышев не скрывал того, что обструкция Раковскому была организована. Значительные усилия были предприняты для нейтрализации Раковского на тех харьковских заводах, где он пользовался немалой популярностью среди рабочих, в том числе беспартийных. Об этом, в частности, говорит ранее неизвестный документ из Харьковского партархива «Выводы по обследованию итогов борьбы с оппозицией в

Харьковской парторганизации», составленный уже в марте 1928 г. Так вот, в нем констатировалось, что в ноябре 1927 г. в связи с приездом бывшего председателя Совнаркома Украины «оппозиционеры перенесли свою работу в среду беспартийных рабочих, вызвали в некоторых группах рабочих сочувствие, главным образом под лозунгом требования Раковского к себе на завод...». Все эти попытки оппозиции выйти непосредственно на рабочих были пресечены жесткими действиями окружного комитета партии и местных партячеек. Секретарь комитета Постышев докладывал Сталину: «...когда оппозиция перенесла свою работу в массы, то ячейки оказались неподготовленными. Местами выявились хвостизм, бессилие или, вернее, растерянность ячеек. Но сейчас ячейки поставлены на ноги...» В таком же ключе действовали большевики и в Днепропетровске, где одному из выступлений Раковского на партийной конференции предшествовал доклад секретаря окружного комитета партии, который назвал его приезд «бесчинством», совершенным «против воли нашей партии, против воли местных парторганизаций». Антиоппозиционные страсти накалились так, что «под выкрики «вон» и свист Раковский был принужден оставить трибуну». Что и говорить, оппозиционеры в то время на подобных собраниях фактически не имели возможности высказать свои аргументы, мысли, предложения. Однако не следует примитивизировать ситуацию, объясняя исключительно этим провал Раковского на Украине. К сожалению, именно так поступали некоторые журналисты, утверждая, что неудача Раковского, скажем в Харькове, была обусловлена специальной подготовкой актива, увлекшего за собой «неосведомленную массу».

Все было значительно сложнее. Прежде всего беспартийная часть, конечно же, не была так уж полностью неосведомленной о программе троцкистской оппозиции. Более того, в случае с провалом Раковского в Харькове, как в капле воды, отразилось неприятие троцкизма большинством членов партии и беспартийных. Участники заседания воспринимали его именно как троцкиста.

В этой связи процитирую харьковский «Пролетарий», который 10 ноября 1927 г. так писал о выступлении Раковского в Днепропетровске на Кайдакской партийной конференции: «В течение 17 минут т. Раковский старался защитить троцкизм, договорившись до того, что Троц-

кий — не троцкист». Я далек от того, чтобы предложить читателю полностью поверить этой информации, она в значительной мере имеет провокационный подтекст. Однако информация эта очень тонко передает тогдашнюю атмосферу и ситуацию, когда для многих Раковский был нежелателен прежде всего как представитель Троцкого.

Возвратимся в бурлящий зал, где проходит торжественное собрание, посвященное десятой годовщине Октябрьской революции. Раковский на трибуне, но ему не дают говорить. Это были очень тяжелые минуты в жизни Христиана Георгиевича. Прошло чуть больше четырех лет, как он уехал из Харькова, где был очень популярным, где к его каждому слову прислушивались. Он еще помнил, как однажды здесь, в Харькове, незадолго до его выступления собралась многотысячная толпа, его восторженно, бурно приветствовали, на руках внесли на третий этаж в зал и поставили на стол, другого места не нашлось — негде было яблоку упасть. Он помнил также, что уже после отъезда в Лондон, в январе 1924 г., VIII губернский съезд Советов избрал его вместе с Лениным, Троцким и новым председателем Совнаркома Украины В. Я. Чубарем почетным председателем съезда.

Сейчас перед ним была трехтысячная аудитория, которая не принимала, даже отторгала, гнала его, ибо он для них — посланец Троцкого. «Раковский — бывший председатель Совнаркома Украины стоял на трибуне бледный, как полотно», — так напишет об этом Сталину Постышев.

Окончательно убедившись в том, что слушать его не станут, Христиан Раковский повернулся к президиуму и, обращаясь к иностранным гостям, которые там находились, сказал голосом, срывающимся от бессилия и волнения:

— Смотрите, как здесь зажимают инакомыслящих и не дают им высказаться...— он сошел с трибуны и тяжелыми шагами направился к выходу из зала.

А на трибуну в это время поднимался Генеральный секретарь ЦК КП(б)У Л. М. Каганович. Вот стенографическая запись его выступления:

— Я хочу, товарищи, — начал Каганович, — здесь остановиться на том инциденте, который сейчас произошел в связи с выступлением Раковского (Голос: «Он не выступал!»). На трибуну он вступил, во всяком случае (Смех!). Так вот, товарищи, Раковский очень разозлил-

ся (Голос: «Пусть злится!») по случаю того, что данное собрание не дало ему говорить (Голоса: «Правильно!»). Слов нет, мы можем ему посочувствовать, дело тяжелое. Человеку, привыкшему к авторитету масс (Голоса: «Довольно!»), человеку, привыкшему работать в массах, ему тяжело, когда масса не дает ему говорить.

Но, товарищи, он обратился после того с речью к иностранцам и заявил им: пусть иностранцы видят, как здесь не дают говорить (Голоса: «Позор!»). Я могу сказать одно: пусть товарищи иностранцы видят, что у нас в Советской республике нет несменяемых олигархов, пусть они видят, что в нашей стране того, кого сегодня считают вождем, любимцем масс, массы выбирают, а на завтра, если он отходит от этих масс, если он начинает вести политику против масс, массы не дают ему говорить (Бурные аплодисменты).

Пусть товарищи иностранцы видят, что это есть то дорогое, самое ценное, что завоевал рабочий класс нашей страны. Рабочий класс добился того, чтобы своих вождей выбирать, а не навязывать ему, и выбирает он по признаку того, как кто им политически руководит. Это наиболее яркий показатель демократии. Если массы не хотят, им никто навязать не может (Голос: «Правильно!»)...

Рабочие и крестьяне, — вдохновенно продолжал Каганович, — каждый член партии сейчас тревожится за единство партии, ведь каждый понимает, что от него зависит успех дальнейшего нашего строительства. Завтра Каганович перестанет проводить линию партии, перестанет прислушиваться к голосу масс, и тогда Кагановичу будут кричать «долой» (Голоса: «Правильно!», аплодисменты).

Так и знайте, товарищи иностранцы, в нашей стране вождями являются только те, кто связан вот с этой массой!» — обводя рукой зал, закончил под бурные аплодисменты Генеральный секретарь ЦК КП(б)У.

Что и говорить, Каганович мастерски обыграл провал Христиана Раковского. Но сколько же лицемерия и фальши в каждом его слове! Захваливание демократии в то время, когда она уже начала сворачиваться. Отрицание олигархии в то время, когда складывалась сталинская олигархия, в которую войдет и он, Каганович. Утверждение о зависимости вождей от народных масс в то время, когда, наоборот, массы становились все более

зависимы от вождей. Заверения в том, что ему, Кагановичу, народные массы могут сказать «долой» в то время, когда уже готовились лишить народные массы голоса.

Ситуацию, подобную харьковской, Раковский пережил, как мы уже знаем, в Днепропетровске А потом и в Запорожье, где он выступал на собрании партийной организации завода «Коммунар». Предложенная Раковским резолюция собрала всего 9 из 300 голосов...

Подводя итоги поездки Раковского на Украину в ноябре 1927 г., Каганович говорил на XV съезде ВКП(б): «Раковский попытал счастья на Днепропетровщине и в Запорожье. Из Харькова он вылетел очень быстро. Но мы можем сказать, что кроме жалких, небольших собраний оппозиционеров Раковский ничего нигде не мог собрать. И пролетариат Днепропетровска и пролетариат Запорожья дал ему соответствующий отпор».

Это были злорадные слова рьяного сталиниста. Однако это была и горькая правда

Еще более страшным был крах Раковского на XV съезде партии, где он имел мужество выступить от оппозиции в прениях по политическому отчету ЦК ВКП(б), сделанному Сталиным. Выступление это проходило в обстановке всеобщего возмущения делегатов, прерывалось ими буквально с первых слов и до самого конца свыше 70 раз и было в конце концов сорвано. Кроме тех делегатов, фамилии которых в стенографическом отчете не зафиксированы, выступление Х. Г. Раковского неоднократно прерывали Д. З. Мануильский, Л. М. Каганович, П. П. Постышев, К. Е. Ворошилов, Ф. Я. Кон, Н. И. Бухарин, М. Н. Лядов, Н. А. Скрыпник, Я. Э. Рудзутак, С. В. Косиор. Нередко это имело грубый, оскорбительный характер. Из зала доносилось: «Раковский, кончай»; «Довольно! Кончай!»; «Прекратить надо эту музыку»; «Наглая ложь!»; «Вы — агенты мировой буржуазии!»; «Вы несчастные изменники!»; «Будет вам капут»; «Себе похоронный марш поют»; «Ступайте из партии, и кончено»; «Долой меньшевиков с трибуны»; «Долой! Из партии исключить надо».

На мой взгляд, содержание выступления не давало повода для такой остронеприязненной реакции. Несомненно, что общее неприятие Раковского дирижировалось невидимой, сильной рукой и было направлено не столько против содержания его выступления, сколько против

него самого как одного из сильнейших и ярчайших представителей троцкистской оппозиции. Из зала было брошено и такое: «Троцкий послал Раковского использовать трибуну съезда!» Можно утверждать, что реакция делегатов XV съезда партии адекватно отражала утверждение в партии сталинской непримиримости к инакомыслию, полного отрицания любой точки зрения, несовместимой со сталинской, нецивилизованных методов подавления оппонентов.

Что касается упомянутого выступления Раковского, то оно было посвящено вопросам внешней политики партии, авторитету нашей страны за границей. Выступление, как уже отмечалось, фактически было сорвано, хотя Христиан Раковский успел заявить, что в применении к этому он считает «постановку самого вопроса у т. Сталина в корне ошибочной», что он не разделяет «оптимистического прогноза и оценки т. Сталина». Раковский имел в виду, в частности, выводы Сталина о том, что авторитет социал-демократических партий среди широких масс рабочего класса падает, что Европа вступает в новую полосу революционного подъема, что в недрах рабочего класса накопилась революционная энергия, которая ищет и будет искать повода, случая (иногда совсем незначительного), чтобы прорваться наружу и обрушиться на капиталистический режим. Раковский считал также односторонним сталинский вывод о явном росте симпатий рабочего класса Европы к Советскому Союзу.

— ...Это не дает нам правильного представления о тех сдвигах, которые происходят за границей, — со знанием дела говорил он. — Это может ввести нас в заблуждение. Если вширь растут симпатии, то действенность этих симпатий уменьшается, и это есть самый тревожный факт нашей международной политики... Растет социал-демократическое влияние, понижается действенность, активность рабочего класса. И перед этим тревожным фактом я не могу удовлетвориться заявлением общего характера о росте симпатий к нам.

Мне кажется, эти рассуждения профессионального дипломата заслуживали пристального внимания съезда. По крайней мере вызывает крайнее недоумение реакция зала в виде реплик, подобных вот этой: «Идите с вашей тревогой к Чемберлену!».

Беспощадная критика в адрес Раковского звучала во

всех выступлениях, где его фамилия хотя бы упоминалась, скажем, в устах Я. Э. Рудзутака, С. М. Кирова, А. И. Рыкова, М. П. Томского и других делегатов. Последнюю точку в разгроме Раковского поставил Сталин. В заключительном слове по политическому отчету Центрального Комитета он на первое место выдвинул специальный раздел «О речи Раковского»[6].

Касаясь мыслей Раковского о внешней политике, Сталин не стал углубляться в их анализ, а сказал буквально следующее:

— Я думаю, что Раковский зря затронул здесь вопрос о войне и внешней политике. Всем известно, что Раковский наглупил на Московской конференции по вопросу о войне. Сюда пришел он и взял слово, видимо, для того, чтобы исправить глупость. А вышло еще глупее. Я думаю, что было бы выгоднее для Раковского помолчать о внешней политике.

Как видим, Сталин не отягощал себя доказательностью, не подбирал слова: оппозиция в целом и Раковский в частности в политическом плане для него уже не существовали.

Сталин резко отреагировал на слова Раковского из его выступления на съезде о том, что он «сигнализирует» съезду партии о тревожных фактах «идейного обстрела» Советского Союза и Коммунистической партии за рубежом:

— Раковский заявляет... что оппозиция сигнализирует нам об опасностях, о трудностях, о «гибели» нашей страны. Вот уже действительно «сигнализаторы», спасающие партию от «гибели», когда сами гибнут и действительно нуждаются в спасении. Сами еле на ногах стоят, а лезут спасать других! Не смешно ли это, товарищи?

Зал ответил дружным смехом. Точно так же единодушно поддержали делегаты сталинское сравнение маленькой лодки оппозиции с большим пароходом партии:

— Представьте себе маленькую лодку, которая еле держится на поверхности моря и вот-вот должна погибнуть, и представьте себе великолепный пароход, который мощно прорезает волны и уверенно двигается вперед. Что бы вы сказали, если бы эта маленькая лодочка сунулась спасать громадный пароход? Не правда ли, это

---

[6] См.: Сталин И. В. Соч. — Т. 10. — С. 354—357.

было бы более чем смешно? В таком именно положении находятся теперь наши «сигнализаторы» из оппозиции. Они сигнализируют нам об опасностях, о трудностях, о «гибели» и обо всем, о чем угодно, а сами идут ко дну, не замечая, что они уже спустились на дно.

Все было в сталинских словах — беспощадная правда об оппозиции и твердая уверенность в своей непогрешимости, безошибочности, ощущение за плечами поддержки большинства членов партии и полное неприятие инакомыслия, нежелание прислушаться к чьим-либо предостережениям и размышлениям, демагогическое навешивание ярлыков.

Не было в сталинских словах — да и быть не могло — понимания того, что «великолепный пароход» уже сбивается с истинно ленинского курса, а к «сигнализаторам из оппозиции» во многом стоило бы прислушаться.

В заключение мне хотелось бы отдельно остановиться на обвинении оппозиции и, стало быть, Раковского в стремлении создать отличную от ВКП(б) «вторую партию». Нечего и говорить, что в конце 20-х гг. такое обвинение было одним из тяжких и автоматически ставило подозреваемых в исключительно неблагоприятные условия, настраивало против них широкие партийные массы. Характерно, что оппозиция пыталась однозначно отмежеваться от этого обвинения, подчеркнуть свою полную включенность в единые для ВКП(б) партийные структуры. В заявлении, подписанном еще 8 августа 1927 г. 13 оппозиционерами, в том числе и Раковским, по этому поводу говорилось следующее: «Мы решительно осуждаем какие-бы то ни было попытки создания второй партии. Путь второй партии в СССР считаем безусловно гибельным для революции. Будем бороться всеми силами, всеми мерами против всяких тенденций к двум партиям» [7].

И хотя Христиан Раковский действительно искренне стоял на этом и боролся за это всеми силами, он долгие десятилетия числился среди деятелей, якобы стремившихся создать подпольную партию. В четвертом томе «Истории КПСС» (1970 г.) утверждалось, что Раковский открыто шел «на разрыв с партией».

Как же было в действительности? Мне удалось найти

---

[7] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. — Т. 4. — С. 69.

в архиве очень интересный документ, в котором рассказывается о встрече Раковского с единомышленниками в ноябре 1927 г., во время поездки в Харьков. В нем говорилось: «Раковский информировал о положении дел оппозиции в Москве... Ему было задано много вопросов, в числе которых были и вопросы о второй партии, на которые Раковский ответил: **«Если нас даже исключат из партии, мы не пойдем на организацию второй партии,** мы будем в наших условиях указывать партии на ее недостатки и ошибки для того, чтобы она могла их своевременно исправить» (подчеркнуто мною. — **В. М.**). Это заявление, сделанное, как говорится, «не для прессы», в узком кругу сторонников оппозиции, не оставляет сомнений: Христиан Раковский не мыслил себя вне большевистской партии.

На XV съезде ВКП(б) он, пожалуй, наиболее активно из всех оппозиционеров выступил против обвинения в стремлении создать вторую партию. Вместе со 120 другими оппозиционерами Раковский подписал «Заявление XV съезду ВКП(б)», направленное в президиум съезда уже на следующий день после начала его работы — 3 декабря 1927 г. В нем, в частности, отмечалось: «Ни на раскол, ни на вторую партию мы не пойдем. Путь второй партии мы отвергаем категорически; всякую попытку в этом направлении считаем решительно противоречащей учению Ленина и обреченной на гибель». В ходе работы съезда, 10 декабря 1927 г., Х. Г. Раковский, Н. И. Муралов и К. Б. Радек еще раз обратились с заявлением, в котором категорически отвергали «путь второй партии». Они подчинялись решению съезда о несовместимости принадлежности к оппозиции с пребыванием в партии и обязывались в связи с этим не вести фракционными методами пропаганду своих взглядов. Заявление заканчивалось такими словами: «Мы твердо верим, что партия найдет пути снова вернуть в свои ряды исключенных и освободить арестованных за оппозиционную деятельность».

Наконец, в конце работы съезда, 18 декабря 1927 г., Раковский вместе с И. Т. Смилгой, Н. И. Мураловым и К. Б. Радеком снова обращаются к XV съезду ВКП(б) еще с одним заявлением, где категорически отвергают «приписываемое нам намерение организовать вторую партию». В нем указывалось, что оппозиционеров исключают из партии за их взгляды, которые они считают

большевистскими, ленинскими. В этом заявлении обращают на себя внимание такие слова: «Партийный режим, приведший к нашему исключению, ведет неминуемо к новым расщеплениям партии и к новым отсечениям. Только режим внутрипартийной демократии может обеспечить выработку правильной линии партии и укрепить связь ее с рабочим классом»[8].

Можно было бы назвать эти слова пророческими. Но, мне кажется, точнее будет говорить о политическом прогнозе, который делает честь Христиану Раковскому.

В этот день, 18 декабря 1927 г., Раковский вместе с другими активными членами оппозиции был исключен из партии.

Вслед за этим незамедлительно последует сталинская ссылка. «Сталин не решился ни расстрелять его, ни даже заключить в тюрьму», — так напишет об этом Троцкий в 1933 г. И хотя сам называл эту ссылку «смертным приговором», но еще не подозревал тогда, что Сталин уготовил Христиану Раковскому и тюрьму, и расстрел...

Не склонивший головы

Более чем шестилетний период ссылки Христиана Раковского освещен у нас очень слабо. Прежде всего это объясняется тем, что советские историки всерьез не привлекали к анализу весь комплекс документов теоретико-политического характера, написанных Раковским в ссылке и опубликованных Троцким в «Бюллетене оппозиции». Такая попытка предпринята автором. Кроме того, в моем распоряжении имеются неиспользованные советскими историками документы, которые позволяют существенно расширить наши представления о ссылке Христиана Раковского. Прежде всего это его письма из Астрахани в Алма-Ату сосланному туда Троцкому, ксерокопии которых предоставила автору болгарская исследовательница Живка Дамянова. У меня хранятся 11 таких писем, датированных 17, 29 февраля, 3, 25 марта, 10, 18, 27 мая, 2, 11, 14 июня и 21 июля 1928 г. Они содержат не только размышления теоретического порядка, но и редчайшие штрихи к обыденной

---

[8] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. — Т. 2. — С. 1399; 1597; 1600.

стороне жизни ссыльного, его пристрастиям и занятиям.

Следующий уникальный документ, позволяющий существенно расширить представления о ссылке, извлечен автором из Центрального архива КГБ СССР и впервые вводится в научный оборот. Это тридцатистраничные «Показания обвиняемого Х. Раковского», обнаруженные в его архивно-следственном деле; они написаны в тюрьме в 1937 г. и озаглавлены так: «Моя подпольная контрреволюционная работа во время ссылки». Безусловно, к ним следует подходить критически, особенно в той части, где Раковский вынужден называть свою оппозиционную деятельность контрреволюционной. Однако в целом показания дают достаточно полное представление о пребывании Христиана Раковского в ссылке. На фоне той ужасной клеветы на себя (о шпионаже, измене Родине), которую Раковского вынудили говорить и писать в ходе следствия, оппозиционная борьба в ссылке в виде заявлений, обращений, статей, писем и т. п. выглядела не самой страшной, да и хорошо известной органам НКВД. Понимая это, Христиан Раковский многое не скрывал, описывал откровенно и правдиво.

Используя упомянутые и другие малоизвестные источники, попытаюсь хотя бы в общем виде рассказать о жизни Христиана Раковского в сталинской ссылке. В Астрахань он прибыл во второй половине января 1928 г. Стояли сильные морозы. В течение месяца жил в гостинице, затем с трудом устроился на квартире, куда перешел 19 февраля. Его согласилась принять семья служащего из Ленинграда, жившая на Братской улице, 14: «Комната светлая, в самом центре города... близко от губисполкома, — писал Раковский Троцкому 3 марта 1928 г. — Здесь получаю также обеды, а утром и вечером проявляю сам свои кулинарные способности при помощи небольшой спиртовки». В одном из писем Раковский писал, что аккуратно ходит покупать себе провизию в магазине и у частников («девочки хозяйки ходят в школу и нет у них времени»). Позже по невыясненным обстоятельствам Раковский снова перебирается в гостиницу. Можно предположить, что деликатный и предупредительный квартирант не захотел стеснять семью из четырех человек, которая из-за него перешла в проходную комнату и на кухню, особенно после того, как стал болеть. По крайней мере письмо Троцкому от 21 июля было написано уже из гостиницы.

В марте Раковский заболел малярией. Очевидно, в связи с этим в апреле к нему приехала жена Александра Георгиевна. Болезнь отпустила только накануне Первомая. Однако слабость осталась, все чаще беспокоило сердце, Раковский надеялся съездить в июле в Кисловодск. «Мне необходимо подлечиться. Здесь уже начались жара и пыль, — писал он 27 мая. — Малярия не возобновлялась, но иногда бывают головные боли...» О состоянии здоровья Раковского в это время «Бюллетень оппозиции» (1930. — № 9) писал так: «Еще летом 1928 г. врачи считали опасным для жизни Христиана Георгиевича его пребывание в Астрахани. Они требовали поездки для лечения на Кавказ. Политбюро в издевательском тоне отказало в этом старому борцу». Да, надежды Раковского были напрасные, разрешения он не получил, и 21 июля с горечью писал Троцкому: «Я сижу все без отпуска, в гостинице, в бивуачной обстановке... при 38° жары...»

Интересно, что Христиан Георгиевич пользовался в городе большой популярностью. Скажем, на первых порах, когда он жил в гостинице, «не было отбоя... от всяких просителей: инвалиды, безработные, иностранцы (спрашивающие о том, как получить паспорт и пр.), мнимые потемкинцы и т. д.». Люди слышали о нем, знали его, но далеко не все понимали, что здесь, в Астрахани, Раковский уже никому и ничем не может помочь (кроме разве что советом) и, скорее, сам нуждается в помощи. Надеясь отвлечься, отдохнуть, окрепнуть, Христиан Георгиевич строил планы относительно охоты, уже в первом письме Троцкому от 17 февраля 1928 г. писал: «Жду, когда начнется период охоты, которую здесь хвалят (в камышах дельты много уток), чтобы заняться посерьезнее этим спортом. Принял меры для получения ружья». Упоминание об ожидании ружья мелькает и в письме от 25 марта. Но когда в мае оно было наконец получено, то осталось невостребованным: опоздало к сезону, ощущалась слабость после болезни, «кроме того, не с кем идти на охоту и на рыбную ловлю». Но самое главное препятствие — это напряженная, разносторонняя работа, которая все больше поглощала, не оставляла времени не только для охоты, но и для сколько-нибудь серьезного отдыха. Все же Христиан Георгиевич стремился организовать себя: «хотя и работаю «avec ardeur», но... ложусь не позже 12, а встаю рано, обыкновенно в 7, а

иногда и раньше. Гуляю, иногда в один прием — два часа».

Прежде всего Христиан Георгиевич очень скоро после приезда в Астрахань, уже с 1 февраля, устроился на работу в губернскую плановую комиссию консультантом по вопросам народного образования и социально-культурного развития. Он быстро втянулся в работу, с головой ушел в вопросы экономического развития Астраханской губернии, размещения в ней производительных сил и «областного районирования»: «...с первых дней я стал знакомиться интенсивно с существующей старинной и новой литературой, со статистическими и научными материалами». Соответствующий доклад для плановой комиссии Христиан Георгиевич закончил в конце февраля, материал сразу же был отправлен в Москву, а Раковский принялся за новое задание. 10 мая он сообщал об этом Троцкому: «...работал усиленно над докладом о состоянии народного образования в Астраханской губернии... Дело плохо. Большая доля затрат непроизводительная... при отсутствии пособий, оборудования, учебников (подходящих) и достаточной квалификации учителей — эффект затрат сильно уменьшается (плохо обстоит дело со здоровьем детей, особенно детей бедноты и т. д.)». Что и говорить, нелицеприятная оценка, явно расходящаяся с официальной. Не случайно Раковский писал позже Троцкому, что доклад, разросшийся в брошюру объемом 4 печатных листа, «вряд ли даже будет кто-нибудь читать, исключая выводы и предложения». Но Христиан Георгиевич оставался верен себе, говорил и писал то, что думал.

У меня нет возможности сколько-нибудь подробно рассказать о многообразии интересов, забот и планов Раковского, связанных с его работой в губернской плановой комиссии. В показаниях 1937 г. он, в частности, писал: «Меня много интересовали также вопросы истории Астрахани с точки зрения хозяйственной; вопрос об использовании волжской дельты, громадной и богатой не только рыбой, но и растительностью; вопрос об укреплении песков и т. д. Для этой цели я изучил громадную как русскую, так и иностранную литературу, находящуюся в астраханской библиотеке». Результаты этой работы требуют специальных поисков в астраханских архивах, возможно, встреч с теми, кто помнит пребывание Христиана Раковского в городе. Сообщая о своей

работе в губернской плановой комиссии, Раковский как-то написал Троцкому: «Как видишь, время для скуки не остается, т. к. кроме этого, я усиленно продолжаю свою другую работу». Вот эта «другая работа» — творческая — и была для него главной. О ней — отдельный разговор.

Христиан Раковский много и напряженно изучал специальную литературу, необходимую для научных изысканий, политической публицистики и написания теоретических документов оппозиции. «В связи с работой о Сен-Симоне.., — писал он Троцкому, — приходится перечитывать Маркса и Энгельса («Анти-Дюринг», «Капитал», «Классовая борьба во Франции»), а также буржуазных историков». Он и другу рекомендовал: «По-моему, кроме текущей работы, было бы чрезвычайно важно, если ты выбрал бы какую-нибудь тему, которая заставила бы тебя — вроде моего Сен-Симона — многое пересмотреть и перечитать под известным углом зрения» [9].

Да, Раковский трудился над книгой о французском мыслителе, социалисте-утописте, труды которого явились одним из идейных источников научного социализма. Спешил закончить к лету, когда наступает жара и работать труднее. Кроме того, сообщал он Троцкому 28 марта, «играют роль в спешке такой материальные соображения». 11 июня Христиан Раковский уведомил Троцкого, что уехавшая в Москву жена увезла 8 листов книги: «Это еще полуфабрикат, но нужно было послать, чтобы получить аванс. Продолжаю работать». След этой рукописи теряется. Можно ли надеяться, что она сохранилась, если была передана в издательство? В упомянутых показаниях Раковского в 1937 г. есть свидетельство о том, что он написал книгу «Сен-Симон и симонизм» объемом около 30 печатных листов, которая бесследно исчезла.

Здесь, в Астрахани, Раковский задумал написание очерковых воспоминаний и размышлений о людях, которых хорошо знал, встречал в своей жизни: о В. И. Ленине, Г. В. Плеханове, В. И. Засулич, К. Либкнехте, Р. Люксембург, Ж. Геде. Идею вынашивал давно и очень обрадовался, когда Троцкий в одном из писем подсказал то же самое: «Твой совет насчет «воспоминаний», — писал он другу 25 марта, — идет навстречу мо-

[9] Письмо Л. Д. Троцкому от 17 февраля 1928 г.

им намерениям». А намерения излагал так: «В этих биографических очерках — теория будет только в пределах необходимого, чтобы оценить деятелей, о которых идет речь, не больше Иначе очерки превратились бы в книги».

В этом же письме информирует: «О Плеханове я уже закончил черновой набросок около 150 стр. обыкновенной тетрадки». Если учесть манеру Христиана Георгиевича густо заполнять страницу, то это наверняка составило бы брошюру о Плеханове Как жаль, что и эта рукопись утеряна!

Кроме того, Раковский начал писать очерки о конгрессах II Интернационала, участником которых был (в Цюрихе, Лондоне, Париже, Амстердаме, Штутгарте, Копенгагене). Задачу ставил так: «восстановить эти события с теперешней идейной оценкой, но в их исторической правде и значении». К этой работе примыкала задумка написать о Циммервальдской и Бернских конференциях.

Наконец, Христиан Георгиевич сообщал Троцкому: «...я пишу отдельные эпизоды из моей жизни... насчитал высылок из разных стран и местностей — 8, а арестов — 12 (первый в 1888 г, когда мне не было еще 15 лет)». Судя по всему, он включил в свой подсчет и сталинскую ссылку, но еще не мог предположить, что через девять лет грянет последний смертный сталинский арест с интервалом в полстолетия после того первого, почти безобидного ареста в детстве.

Все эти исключительно разнообразные и трудоемкие занятия не только не исчерпывали сверхзадачу ссыльного оппозиционера, но в целом были подчинены ей Такой сверхзадачей, по моему мнению, оставалась для Раковского борьба против Сталина и сталинизма. Да, борьба. Думаю, что Сталин не ожидал такого сопротивления от сосланного Раковского.

Сами письма Троцкому были пронизаны оппозиционными размышлениями, идеями, предложениями, содержали нелицеприятный анализ ситуации в партии, стране и мире. Хочу только обозначить основные теоретико-политические сюжеты этих писем: изложение Троцкому ключевых тезисов письма Раковского к Е. А. Преображенскому с раздумьями о диктатуре пролетариата и диктатуре партии, о методах партийного руководства (18 мая); основные мысли о проекте обращения оппози-

ции к Коминтерну с указанием на кризис в партии и хозяйстве страны «в результате неправильных методов руководства, вследствие пренебрежения к тому, чему учил Ленин» (27 мая); анализ программы Коминтерна (11 и 14 июня); анализ отношений между Англией и США, «антагонизм которых призван сыграть крупную роль в грядущей революции» (29 февраля и 3 марта); анализ результатов выборов во Франции и Германии (11 июня).

Однако не личные письма к Троцкому стали основными антисталинскими документами, написанными Христианом Раковским в Астрахани. Сам он в упомянутых показаниях 1937 г. писал так: «В Астрахани я написал два более известных документа (кроме частных писем): один — адресованный Валентинову, а другой — Белобородову. И оба они посвящены вопросу о мнимых бюрократических искажениях в Советском государстве... В этих документах были и клеветнические выпады по адресу государственного и партийного аппарата, и неправильная установка в понимании пролетарской диктатуры». Если не брать во внимание обычные для следственных показаний саморазоблачительные нюансы, то Раковский очень сжато изложил действительное содержание написанных им документов.

Что касается письма Г. Б. Валентинову — бывшему руководящему работнику газеты «Труд», а в то время также политическому ссыльному, — написанного Раковским в августе 1928 г., то его текст был помещен в шестом номере «Бюллетеня оппозиции» в октябре 1929 г. (стр. 14—20) под названием «Письмо Х. Г. Раковского о причинах перерождения партии и государственного аппарата». Уже в наше время отрывки из этого письма неоднократно публиковались на английском, болгарском и русском языках. Полный текст с очень интересным научным комментарием опубликовал в 1989 г. историк В. П. Данилов[10].

Письмо Раковского из Астрахани А. Г. Белобородову, о котором Христиан Георгиевич, кстати, упоминал в письме Троцкому от 18 мая 1928 г., не найдено. Зато, как уже отмечалось, в нашем распоряжении имеются подробные тезисы письма Раковского Преображенскому. Предваряя их, Христиан Георгиевич писал Троцкому:

---

[10] См.: Вопросы истории. — 1989. — № 12. — С. 68—83.

«Преображенскому ответил большим письмом на 16 стр. По этой теме пришлось писать и Белобородову, который как раз подметил ту сторону кризиса в партии и государстве, которая больше всего привлекла мое внимание». А в письме Троцкому от 14 июня 1928 г. есть такая фраза: «Мое письмо к Белобородову было, в свою очередь, резюме моего письма к Преображенскому». Таким образом, у нас есть возможность составить представление и об этом документе.

В письме Валентинову Христиан Раковский диагностировал «упадочность в пролетариате в момент, когда у него в руках находится политическая власть», пассивность масс — коммунистических даже больше, чем беспартийных — вследствие страха перед власть имущими или просто политического равнодушия. Объявляя это явление опасным, он подчеркивал необходимость «подойти к вопросу основательно, научно, подвергнуть его всестороннему анализу». Именно так Раковский и поступил.

Он указал на то, что известная часть класса, захватившего власть, превращается в агентов самой власти. Таким образом возникает бюрократия. В пролетарском государстве, где капиталистическое накопление не позволено для членов правящей партии, такая дифференциация является сначала функциональной, но потом становится социальной. Кроме того, часть функций, которые выполняла раньше вся партия или же весь класс, теперь переходит к власти, то есть только к некоторому количеству людей из этой партии, из этого класса. Все это внесло изменение в психологию людей, на которых возложено руководство, они изменились до такой степени, что перестали быть не только объективно, но и субъективно, не только физически, но и морально частью рабочего класса. Более того, они вызывают «законное недовольство рабочих».

Не менее глубоко и основательно анализирует Раковский в письмах Валентинову и Преображенскому перерождение правящей партии. «**Ни физически, ни морально**, — констатирует он, — ни рабочий класс, ни партия не представляют из себя того, чем они были лет десять тому назад. Я думаю, что не очень преувеличиваю, если скажу, что партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя в лице партийца 1928 года».

Что же произошло? В партии, как и в рабочем клас-

се, шел процесс дифференциации, тем более что ее социальная структура гораздо более разношерстна, чем структура рабочего класса. Это было всегда так, с той, конечно, разницей, что когда партия жила революционной борьбой и интенсивной идейной жизнью, то она превращала в один общий сплав эту социальную амальгаму

В условиях диктатуры единственной и правящей партии в ее руках сосредоточилась такая гигантская власть, какой не знала ни одна политическая организация в истории. Эта власть, однако, принадлежит не партийным массам, но партийному аппарату В письме Преображенскому Христиан Раковский подчеркивал: при жизни Ленина партаппарат еще не имел и десятой доли той власти и того могущества, которыми обладает теперь, и поэтому все то, чего так опасался Ленин, «стало в десятки раз опаснее». Тем более что этому аппарату все более присущи «подтасовка теории ленинизма» и «злоупотребления властью» [11].

По мнению Раковского, партийный аппарат не выполнил задачу предохранения партии и рабочего класса от разлагающего действия привилегий, преимуществ и поблажек, он проявил свою полную неспособность, провалился, обанкротился. Предвидя стереотипные возражения со стороны сталинского окружения, Раковский писал, что упреки оппозиции в адрес аппарата не касаются, так сказать, количественной стороны дела, а качественной: «Это нужно подчеркнуть, потому что иначе они опять забросают цифрами относительно бесконечных и всесторонних успехов сов- и партаппаратов. Нужно положить конец этому статистическому шарлатанству». Однако такое шарлатанство только набирало силу, и его ожидали еще многие и многие годы буйного расцвета.

Раковский раскрыл процесс выделения партийной бюрократии как особого привилегированного слоя: «...социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партмаксимум, отличается от положения того же коммуниста, работающего в угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц». В последние годы эта аксиома вышла из многолетнего подполья, загрохотала на митингах, беспощадно удари-

[11] Письмо Л. Д. Троцкому от 18 мая 1928 г.

ла по партбюрократии, которая, отстранившись от народа, самодовольно и самонадеянно паразитировала на нем.

Твердое убеждение Раковского состояло в том, что «три четверти этого аппарата должны быть распущены, а задачи остальной четверти должны быть введены в строжайшие рамки, в том числе и задачи, функции и права центральных органов». Как видим, свыше шести десятилетий назад он предлагал нанести сокрушительный удар по сталинскому аппарату, сделать то, что с огромным трудом осуществляется только в последние годы. Христиан Раковский очень ясно видел цель такого удара: «Члены партии должны войти в свои попранные права, получив надежные гарантии против того произвола, к которому нас приучила верхушка» («наша верхушка, — писал он Преображенскому, — забыла учение Ленина»). По-моему, мы и сегодня еще в полном объеме не решили эту задачу.

Поразительная, широчайшая эрудиция Раковского позволила ему сделать в письме великолепные экскурсы в историю Великой французской революции конца XVIII в., выявить исторические аналогии и внутренние связи в способах формирования и жизнедеятельности бюрократии, рожденной в ходе великих революций во Франции и в России. Как недостает сегодня нашим аналитикам такого глубинного знания истории!

Анализ, проведенный Раковским, привел его к выводам, звучавшим тогда, как тревожный набат, и имеющим, на мой взгляд, фундаментальное, непреходящее значение: «Советская и партийная бюрократия — это явление нового порядка. Здесь идет речь не о случайных преходящих фактах, не об индивидуальных недочетах, не о прорехах в поведении того или иного товарища, а о новой социологической категории, которой нужно посвятить целый трактат... Я считаю, что существующая советская и партийная бюрократия будет в дальнейшем продолжать с таким же успехом культивировать вокруг себя гнойник...» Партия не услышала, да и не могла уже услышать голос Христиана Раковского. И это — одно из горьких свидетельств того, что она была больна сталинизмом.

Тогда, в 1928 г., Христиан Георгиевич Раковский написал как бы в назидание потомкам: «Я считаю утопией всякую реформу партии, которая опиралась бы на пар-

тийную бюрократию». Слов нет, это был глас вопиющего в пустыне. Но стоило нам через шесть десятилетий всерьез взяться за реформу партии, как стало ясно: прав был, ох, как прав был Христиан Раковский!

Мне хотелось бы присоединиться к выводу В. Данилова о том, что сегодня письмо Раковского Валентинову воспринимается как блестящее историко-социологическое эссе, выполненное на уровне, недостижимом пока еще для нашей современной социологии и историографии [12]. Впрочем, не только этот документ, как мы убедимся, заслуживает подобной высокой оценки.

В начале ноября 1928 г., в канун праздника Великого Октября, Раковский был переведен в Саратов. Как предполагает харьковский историк Г. И. Чернявский, причины перевода связаны со стремлением разрушить установившиеся контакты и политические связи самого видного теперь нераскаявшегося деятеля оппозиции [13].

В Саратов переехала и жена Христиана Георгиевича. Жили в гостинице «Астория». Как и в Астрахани, Раковский устроился работать в губернской (затем окружной) плановой комиссии, активно участвовал в составлении пятилетнего плана развития промышленности округа, контрольных цифр развития промышленности на 1929—1930 гг. и других документов.

Главной для Христиана Раковского по-прежнему оставалась антисталинская борьба. В начале 1929 г. он получил известие о высылке Троцкого из СССР. Резкое осуждение этой акции нашло отражение в известных документах, подписанных Раковским. Скажем, накануне XVI партконференции (апрель 1929 г.) Раковский писал, что «центристское руководство нагромождает преступление на преступление... старается теперь бесстыдной, клеветнической кампанией вырвать у партии рабочего класса одобрение своего неслыханного насилия, объявляя, что Троцкий продался мировому империализму». В августовском заявлении трех саратовских ссыльных оппозиционеров В. В. Косиора, М. С. Окуджавы и Х. Г. Раковского высылка Троцкого была названа «величайшей политической ошибкой партийного руководства». Они потребовали возвращения Троцкого из изгна-

---

[12] См.: Вопросы истории. — 1989. — № 12. — С. 70.

[13] См.: Чернявский Г. И. Х. Г. Раковский на судебном фарсе 1938 г. // Новая и новейшая история. — 1990. — № 4. — С. 78.

ния в СССР. И значительно позже — в апреле 1930 г. — Раковский упорно продолжал добиваться «возвращения Л. Д. Троцкого из изгнания и его восстановления в партии». Если и оставалось неизвестной какая-то оценка Раковского по этому поводу, то, пожалуй, вот эта — из его показаний 1937 г.: «Высылка эта, — свидетельствовал он во время следствия, — вызвала у меня чрезвычайно острое чувство негодования... я в тот момент встал во главе протестующих...»

С высылкой Троцкого за пределы страны Христиан Раковский объективно выдвинулся на роль политического лидера и теоретика антисталинской оппозиции в СССР. Но он был не только интеллектуальным знаменем. Все яснее становилось, что этот кристально чистый в революции человек более чем кто-либо другой может считаться совестью оппозиции. Ему доверяли, ему верили.

Накануне XVI партийной конференции (апрель 1929 г.) Раковский в отдельном документе сформулировал 18 тезисов, раскрывающих его взгляды на положение в стране и партии, содержащих оценку политики сталинского руководства и некоторые установки оппозиции. По мнению автора, пролетарская диктатура впервые очутилась перед лицом столь острого кризиса в партии и государстве и перед таким жгучим сознанием создавшегося тупика. Раковский указывал, в частности, на кризис хлебозаготовок зимой 1927/1928 гг. Известно, что выход из него сталинское руководство искало в широком применении чрезвычайных мер, насилии над крестьянством, в сломе нэпа. По словам Раковского, «мероприятия партруководства воспроизводят худшую сторону военного коммунизма». Он обратил также внимание на реальное снижение заработной платы, возрастание трудностей в снабжении городов хлебом, растущее недовольство рабочего класса, падение авторитета партии среди рабочих масс и др.

Однако сталинское окружение, подчеркивал Раковский, побуждаемое желанием скрыть свои ошибки и сохранить за собой власть, лишило партию возможности понять причины кризиса. С этой целью оно усилило и укрепило аппаратный зажим, прибегая уже открыто к помощи органов ГПУ, «превратило пролетариев в великих молчальников, которым разрешается говорить лишь постольку, поскольку они повторяют софизмы центри-

стского (читай «сталинского». — В. М.) руководства». С такой же жесткостью Раковский заявил о том, что политическая жизнь ВКП(б) все больше сосредоточивается в рамках партийной верхушки, суживая тем самым пролетарскую базу партии.

В заслугу оппозиции Христиан Раковский ставил то, что сталинское окружение вслед за ней вынуждено было заявить о недопустимости уступок кулаку и другим враждебным классам, признать наличие кулацкой опасности, обострения классовой борьбы в деревне. Но он обвинял руководство в том, что объявленная им борьба с правым уклоном и с примиренческим к нему отношением представляет собой пародию действительной борьбы. Удивительная ситуация! Раковский, преследуемый, гонимый и сосланный Сталиным за инакомыслие, не смог трезво посмотреть на инакомыслие Бухарина и других представителей так называемого правого уклона в партии. Как раз в то время, когда Раковский писал свои тезисы — в апреле 1929 г., — объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) убедительно показал, что Сталин ведет против Бухарина настоящую, а не пародийную борьбу. Бухарин был тогда снят с поста редактора «Правды», Томский — с поста председателя ВЦСПС. Пленум признал их взгляды противоречащими генеральной линии партии. Собственно, так оно и было: сталинской линии на насилие и административно-волевые методы Бухарин противопоставлял линию на сохранение и совершенствование экономического механизма, сложившегося в годы нэпа, на исключение насилия по отношению к трудящимся массам деревни, учет объективных условий развития сельского хозяйства и психологии крестьянства.

Мы еще убедимся в том, что Раковский не ослабит своей критики Бухарина. И какая же злая ирония жестокой судьбы в том, что в марте 1938 г. они оба проходили по одному судебному процессу! Уродливый политический казус сталинщины!

Что и говорить, с позиций сегодняшего дня мысли Раковского о правом уклоне в партии выглядят далеко не бесспорными. Тем более важно не замалчивать их, а попытаться разобраться в заочных разногласиях между Раковским и Бухариным.

Наиболее значительным документом саратовского периода ссылки стало Заявление в ЦК и ЦКК ВКП(б) от 22 августа 1929 г., подписанное Раковским, Косиором и

Окуджавой. Мне представляется, что в его оценке допускаются упрощение и умолчание. Исследователи и публицисты, как правило, акцентируют внимание на традиционных разногласиях между оппозицией и партийным руководством, на неприятии и критике Раковским бюрократизма, гипертрофированных аппаратов — государственного, профсоюзного и партийного. Однако упускается то, что само заявление построено как раз по принципу изложения всех важных вопросов, «по которым оценка оппозиции сошлась с оценкой большинства партии». Другое дело, что делалось это, ничуть не скрывая оставшихся разногласий.

Очевидно, что с учетом этого и нужно осуществлять анализ заявления. Собственно, почему Раковский счел возможным сформулировать совпадение взглядов оппозиции и «большинства партии» по ряду вопросов? (Заметим, в заявлении идет речь именно о совпадении позиций с партией или с большинством в партии, а не с ее руководством.) Во-первых, потому что он никогда не терял надежду возвратиться в обновленную партию, которая в состоянии будет выслушать инакомыслящих. Во-вторых, он по-прежнему надеялся, что оппозицию все-таки услышат, поймут и поддержат широкие партийные массы: «Посылая настоящее наше заявление, мы убеждены, что оно встретит сочувствие и **поддержку подавляющего большинства партийной и рабочей массы».** Наконец — и это принципиально важный момент — после XV съезда ВКП(б) и особенно после XVI партийной конференции он усмотрел «новую перегруппировку сил в стране и внутри самой партии».

Что же обусловило такую перегруппировку? По мнению Раковского, это переход в открытое наступление на пролетарскую диктатуру зажиточной части деревни; оформление правого течения в партии, предполагающего идти на уступки кулачеству и частной торговле; решения УVI партконференции о преодолении капиталистической опасности через ускорение темпа промышленного, колхозного, совхозного строительства и о борьбе с кулаком и правой опасностью. Все это предопределило, по словам Раковского, начало «нового социалистического строительства». Здесь следует иметь в виду, что XVI партийная конференция одобрила пятилетний план развития народного хозяйства, в основе которого лежали принципы нэпа и кооперации. Это был фактически аль-

тернативный вариант той сталинской линии решения проблем, которая возобладала окончательно с конца 1929 г.

Но Раковского привлекало не это. Если говорить обобщенно, то главное совпадение мнения оппозиции с общепартийным мнением выражено вот в этом тезисе заявления: «Вместе с большинством партии мы признаем, что **правая опасность** внутри партии является **непосредственной** угрозой социалистическому строительству». Через призму такого подхода Раковский рассматривал ключевые вопросы, в частности колхозное строительство, «которое единственно создает прочную базу для укрепления социалистического хозяйства, уничтожения классов и устранения противоречий между городом и деревней». Христиан Раковский решительно выступил против «ошибочной теории врастания кулака в социализм». Это совпадало с установками XVI партконференции, отвергнувшей **«антиленинскую теорию врастания кулака в социализм как теорию, ведущую к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами».**

Получается, что борьба Сталина против так называемого правого уклона в партии объективно находила все усиливающуюся поддержку у Христиана Раковского. Ибо последовательное осуществление политики «правого течения», по его убеждению, вело к реставрации капитализма («аграрного капитализма») и падению пролетарской диктатуры. Все это нет нужды сглаживать, освещая позицию Раковского. Как и нет необходимости закрывать глаза на то, что заявление пронизывала неизбывная для Христиана Георгиевича идея необходимости и неминуемости международной социалистической революции.

В русле антисталинской борьбы в заявлении выдвигалось требование жесткого сокращения государственного, профсоюзного и партийного аппаратов, содержание которых тяжелым бременем ложилось на плечи трудящихся масс. Нет ничего удивительного в том, что заявление поддержало решение XVI партконференции о борьбе с бюрократизмом, за упрощение и удешевление аппарата и приближение его к массам, как особо важную задачу партии.

В итоге оппозиционеры заявляли, что оставшиеся разногласия с партией, которые могут быть проверены жиз-

нью, вполне укладываются не только в рамки Программы и Устава ВКП(б), но обусловлены самой практикой социалистического строительства: «Эти разногласия не могут оправдать наше оставление вне рядов партии». Авторы документа высказали их полную готовность отказаться от фракционных методов борьбы и подчиниться партийному уставу, партийной дисциплине, обеспечивающих за каждым членом партии право защиты своих коммунистических взглядов.

Таким образом, в заявлении ссыльных оппозиционеров от 22 августа 1929 г. было четко декларировано их стремление возвратиться в партию через нащупывание и определение точек политического соприкосновения. «Бюллетень оппозиции» (1929. — № 7) даже писал о том, что «некоторые очень «радикальные» критики видели в заявлении Раковского и др. чуть ли не капитулянтство». Однако ничего подобного в заявлении при всех его плюсах и минусах не просматривается. Речь шла исключительно о желании Христиана Раковского отстаивать свои принципиальные взгляды внутри партии.

Что касается капитулянтства, то он однозначно осудил Радека, Преображенского, Смилгу, вышедших из оппозиции путем объявления в июле 1929 г. о своем примирении со сталинским официальным курсом: «Совершая акт предательства оппозиции, капитулянты прямо изменяют интересам коммунизма, партии и рабочего класса». Поскольку эти трое отошедших от оппозиции во многом мотивировали свой шаг желанием вернуться в партию, что совпадало со стремлением Раковского, то приведу на этот счет мнение Христиана Георгиевича: «Человек, не знающий истории нашего исключения из партии, может думать, что мы сами вышли из нее и добровольно отправились в ссылку. Ставить такой вопрос, значит, переносить ответственность за наше пребывание в ссылке и нахождение вне партии с правоцентристского руководства на оппозицию». По мнению Раковского, главный вопрос заключался в другом: согласны ли мы сойти с ленинской линии в угоду центристскому оппортунизму? Сам он отвечал: **«Самый большой враг пролетарской диктатуры — бесчестное отношение к убеждениям». В таком бесчестном отношении к ленинизму Раковский с полным правом обвинял сталинское партийное руководство и капитулянтов. Он имел моральное право**

считать, что относится к своим убеждениям предельно честно.

В обширных тезисах, как бы сопровождающих официальное Заявление в ЦК и ЦКК ВКП(б) от 22 августа 1929 г., Раковский убедительно показал беспринципность поступка капитулянтов и обосновал мысль о том, что высылка Троцкого за пределы СССР объединила сталинское руководство с ними. «От Бухарина, голосовавшего за эту высылку, до Радека и Смилги образовался единый фронт против ленинской оппозиции» — как видим, Христиан Раковский реально оценивал сложившуюся ситуацию.

В упомянутых тезисах он снова подверг жесткой критике сущность и политику Сталина и созданного им партийного режима. Раковский указал на то, что центризм (читай «сталинизм». — **В. М.**) боится реального участия трудящихся масс в социалистическом строительстве. Конечно, Сталин желал бы на них опереться, но с условием, что массы не будут заниматься политикой, то есть не будут обсуждать, а тем более критиковать «генеральную линию». Центризм, заключил Раковский, убивает всякую действительную инициативу масс. Этот вывод нашел тысячекратное подтверждение в истории партии и страны.

Христиан Раковский опасался того, что в ходе осуществления пятилетки удельный вес зажиточной части деревни в общей экономике страны будет расти, а вместе с этим возрастет политическое влияние зажиточного крестьянства. Кулак будет продолжать группировать вокруг себя середняков и часть бедноты. Эти размышления Раковского воспринимаются неоднозначно, вызывают вопросы и требуют дополнительного анализа. В то же время нельзя отрицать, что он точно предвидел «политический минус» сталинской политики, состоящий в отрыве рабочего класса от партии, тот минус, который, как и предвидел Раковский, уже нельзя было компенсировать лучшими завоеваниями в области индустриализации.

Позиция авторов заявления от 22 августа 1929 г., конечно же, была неприемлема для Сталина, от Христиана Раковского он мог принять только полную и безоговорочную капитуляцию. Поэтому на лидера оппозиции обрушились новые удары. В конце августа 1929 г. у Раковского был сделан первый за время ссылки серьезный

обыск, ему прибавили три года и перевели в Барнаул. Отправлены из Саратова были два соавтора заявления: Косиор — в Минусинск, Окуджава — в Балашов.

В Барнаул Раковский прибыл 4 сентября 1929 г., поселился в гостинице вместе с женой. На первых порах ему разрешили поехать в алтайский город Чемал, где он познакомился с местной колонией ссыльных, проездом он побывал в Бийске, встретился там с Белобородовым. Удалось побывать и в Новосибирске, повидаться с Мураловым. Однако такое послабление было недолгим. Да и чувствовал себя Раковский неважно, особенно с наступлением холодной алтайской зимы: в конце 1929 — начале 1930 гг. Христиан Георгиевич перенес несколько сердечных приступов. Особенно тяжелый случился в начале марта 1930 г. 26 марта встревоженный Троцкий дал из Константинополя в Барнаул телеграмму: «Крайне беспокоит здоровье Христиана». Неизвестно, получил ли ее Раковский, по крайней мере ответа он не дал. «Бюллетень оппозиции» весной 1930 г. (№ 9 и 10) дважды специально сообщал о плохом состоянии здоровья Христиана Раковского.

В Барнауле Раковский снова устроился консультантом в окружной плановой комиссии, возглавил работу по составлению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства округа (результаты этого огромного труда были сведены им в 300 машинописных страницах). Однако осенью 1932 г. он уходит из комиссии и сосредоточивается на творческой работе: «...занялся составлением моих мемуаров, которые довел до Цюрихского международного конгресса включительно (1893 г.)... Я считал, что мои мемуары, восстанавливающие картины прошлого и характеризующие социалистическую деятельность, будут представлять интерес как для историка, так и для массового читателя». Нет сомнения, что так оно и было бы, не исчезни эти мемуары бесследно. Интересно, что мемуарам предшествовало большое вступление, являвшее собой, по сути, историческое исследование о национально-освободительном движении на Балканах и, в частности, в Болгарии. Судя по всему, много внимания уделялось в этой рукописи известному деятелю болгарского национально-освободительного движения Георгию (Савве) Раковскому.

В Барнауле Раковский, как и прежде, стоял во главе теоретико-политической работы оппозиции: «...я вел

переписку и писал документы, которые рассылал по колониям ссыльных, поддерживал связь с Троцким». Еще во время переезда из Саратова в Барнаул Раковский вместе с Косиором (который ехал с ним до Новосибирска) подготовил проект Заявления в ЦК и ЦКК ВКП(б), где снова ставился вопрос о возвращении оппозиционеров в партию, но не путем капитуляции: «О том, что Заявление не будет принято в ЦКК, я не сомневался. Вместе с тем, однако, оно являлось политическим документом, который отмежевал троцкистскую оппозицию... от «капитулянтов».

Заявление было закончено уже в Барнауле 4 октября 1929 г. (кроме Раковского и местной колонии ссыльных, его подписали также Муралов, Мдивани, Каспарова, Окуджава, Сосновский и др.). В этом документе снова подвергалась резкой критике «вреднейшая теория о возможности построения социалистического общества в одной стране». По мнению оппозиции, подобная теория могла возникнуть лишь в воображении бюрократии, верящей во всемогущество аппарата. Утверждалось, что теория эта выдвинута Сталиным — Бухариным после смерти Ленина. Упор делался на то, что теория ведет к недооценке величайших трудностей, стоящих на пути социалистического строительства, и тем самым оставляет партию и пролетариат неподготовленными к их преодолению. По-моему, аргументация вялая и недостаточно убедительная. В то же время очень убедительно звучали протесты оппозиции против применения чрезвычайных административных мер в деревне; ужесточения дисциплины на предприятиях путем нарушения прав профсоюзов; обезличивания профсоюзов и сокращения числа безработных, пользующихся страхованием; навязывания рабочим социалистического соревнования методами, подобными тем, которыми в деревне проводится сплошная коллективизация, и др.

Интересно, что в этом документе Раковский возвращается к оценке новой ситуации, сложившейся после XVI партконференции, высказываясь теперь уже однозначно: правильные принципиальные решения конференции об индустриализации и коллективизации в условиях бюрократического управления приводят не к развитию, а к срыву социалистического строительства [14].

---

[14] См.: Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). — 1930. — № 17—18. — С. 11—12.

Ключевым документом барнаульского периода ссылки стало Обращение оппозиции в ЦК, ЦКК ВКП(б) и ко всем членам партии (апрель 1930 г.), подготовленное Раковским и подписанное также Косиором, Мураловым, Каспаровой [15]. Оно было написано накануне XVI съезда партии с учетом осмысления событий 1929 г. — «года великого перелома на всех фронтах социалистического строительства» (Сталин), с учетом того, что сталинский выбор пути, совершенный в конце 1929 г., стал отчетливо виден.

Апрельское (1930 г.) заявление четырех оппозиционеров, естественно, вобрало в себя их размышления и выводы по поводу осуществления сталинским руководством пресловутой сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса. Ведь уже позади была статья Сталина «Головокружение от успехов» (2 марта 1930 г.) и постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Как известно, эти документы возлагали ответственность за допущенные «искривления» на местных работников, обвиненных в «головотяпстве». Христиан Раковский считал по-другому. На его взгляд, коммунисты на местах за это поражение не несут ответственности, ибо сплошная коллективизация была предпринята сталинским руководством в нарушение Программы партии и самых элементарных принципов марксизма при пренебрежении элементарными предостережениями Ленина по вопросу о коллективизации, крестьянине-середняке, о нэпе. Христиан Георгиевич в полный голос сказал о политической ответственности за все это Центрального Комитета партии: «ЦК дал директиву, которая сама по себе является **грубейшим отклонением от социализма.** Лозунг **сплошной** коллективизации... является сам по себе величайшей экономической нелепостью... Экономической нелепостью являлось также декретное упразднение кулака как класса и упразднение нэпа».

Пожалуй, не скажешь четче и яснее. Нетрудно убедиться, что Раковский глядел в корень, отвергая саму суть сталинской генеральной линии. Однако не принимал он и отброшенный Сталиным бухаринский альтернативный вариант. «Мы, большевики-оппозиционеры, —

[15] См.: Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). — 1930. — № 17—18.— С. 11—19.

говорилось в Обращении, — отвергали обе установки, как теоретически неверные и практически гибельные. О несостоятельности первой точки зрения мы уже говорили. Несостоятельность второй становится очевидной, если постараться ее расшифровать. Из этой точки зрения вытекает, что теперь, после провала сплошной коллективизации, остается открытым лишь один путь — аграрного капитализма... «Полный» социализм был нужен только для того, чтобы открыть дорогу полному капитализму».

По Христиану Раковскому, сталинская сплошная коллективизация не являлась необходимой, равно как и бухаринское «расширение нэпа». Он относился с очень большим подозрением к неонэпу, считая его исключительно порождением правооппортунистической политики. Раковский опасался, что середняк, не говоря уже о кулаке, может потребовать неонэп в виде, несовместимом с существованием пролетарской диктатуры. Как удовлетворить середнячество, не прекращая борьбы с кулаком? — этот вопрос постоянно беспокоил Раковского. Он считал, что ответ на него даст практика. С определенностью утверждал только, что удержать требования середнячества в пределах, совместимых с диктатурой пролетариата, может установление партийной и рабочей демократии, а также образование союзов бедноты, против которых восстает бюрократия.

И все же полное неприятие бухаринской линии развития сельского хозяйства, очень жесткое отношение к кулачеству у Христиана Раковского совмещались с требованием отмены сплошной коллективизации, а также приостановления массового раскулачивания и выселения кулаков из деревни.

Очень интересными в Обращении являются, на мой взгляд, глубокие размышления Раковского об оформлении в стране «класса правящих», имеющего свои внутренние структуры и растущего путем продуманной кооптации, через прямое и косвенное назначенчество (бюрократическое выдвижение или фиктивная выборная система). Объединяющим моментом этого своеобразного класса являлось, по мнению Раковского, обладание его представителями государственной властью на правах своеобразной частной собственности.

В Обращении поражает по-прежнему проницательный подход Раковского к осуществлению Сталиным на-

циональной политики. По его оценке, стратегическая линия партийного руководства оставалась великодержавной: «Она характеризуется обезличением национальных республик, лишением их самостоятельности, инициативы, усилением бюрократического централизма... К национальному вопросу, как и ко всем другим вопросам, бюрократия подходит с точки зрения удобства управления и регулирования». Как успел уже, вероятно, заметить читатель, национальный вопрос отнюдь не являлся главным в документах, написанных Раковским в ссылке. Однако как же точен и глубок он в этом выводе!

Наконец, нельзя не сказать о содержащемся в документе требовании упразднить пост Генерального секретаря ЦК.

Обращаясь к партии накануне XVI съезда ВКП(б), Раковский не сомневался в том, что сталинское руководство «сведет выборы на партсъезд и сам съезд к обычному бюрократическому смотру». И все же изобличал, надеялся, призывал: «Пора положить конец «келейной» политике. Партия должна потребовать, чтобы все программные вопросы были поставлены на обсуждение».

Мне кажется, что Обращение, датированное апрелем 1930 г., является необыкновенным сплавом политического утопизма и человеческой надежды, политического разума и человеческого мужества с явным преобладанием двух последних.

Прошел съезд, подтвердив наихудшие опасения Христиана Раковского. В течение почти двух недель (с 27 июля по 7 августа 1930 г.) он напряженно работал над статьей, поставив задачу подвести итоги съезда и «несколько продвинуть вперед наше понимание сущности процессов, происходящих в стране». В этой обширной и блестяще выполненной работе осуществлен анализ состояния промышленности, капитального строительства, электрификации, финансов и денежного обращения, раскрыто положение в деревне, высказаны конкретные предложения по коренному изменению партийной политики и курса развития народного хозяйства страны. Понятно, что все это требует специального разговора социально-экономического характера, выходящего за пределы этой брошюры. Я же ограничусь упоминанием некоторых политических оценок, содержащихся в статье Раковского, сопоставив их для контрастности с оценками Сталина.

По словам Сталина, на десятилетия въевшимся в наше сознание благодаря Краткому курсу истории ВКП(б), XVI съезд ВКП(б) вошел в историю партии как «съезд развернутого наступления социализма **по всему фронту,** ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации». А вот Христиан Раковский в который раз настаивал на том, что для выхода из сталинского тупика, преградившего дорогу к социализму, необходимо как раз **«окончательно отказаться...** от попыток насаждения сплошной коллективизации и ликвидации кулака». Он писал, что съезд прошел мимо жизни, а подлинная задача его заключалась в том, чтобы своим авторитетом закрепить надуманные «достижения» сталинской фракции, закрепить аппарат над партией, сталинскую группу над аппаратом и самого Сталина как признанного вождя, который венчает всю аппаратную махину, удобно обосновавшуюся на шее партии. Эта задача была выполнена съездом на сто процентов.

Поистине прав был Христиан Георгиевич Раковский. Достаточно вспомнить вот эти слова Сталина из заключительного слова по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б): «Ясно, что линия нашей партии является единственно правильной линией, причем правильность ее, оказывается, настолько очевидна и бесспорна, что даже бывшие лидеры правой оппозиции сочли необходимым без колебаний подчеркнуть в своих выступлениях правильность всей политики партии» [16]. Да, бывшие лидеры правой оппозиции так и сделали. Но в далеком Барнауле яростно сопротивлялся лидер несломленной антисталинской оппозиции. Сталин, конечно же, помнил это. Не мог не помнить. Ведь месть его, столь хорошо продуманная, до сих пор не достигла цели, не смяла ненавистного болгарина. Он-то, Христиан Раковский, прямо, без обиняков и не единожды отвергал правильность его, сталинской, политики партии. При этом, черт возьми, до сих пор уплывали за границу его злостные, клеветнические письма, заявления, обращения... И печатались там другом и соучастником по оппозиции Троцким. Чем там занимается ОГПУ?! Не пора ли положить этому конец?! Ни одно слово зарвавшегося старика не должно просочиться за пределы его ссыльной дыры!

---

[16] Сталин И. В. Соч. — Т. 13. — С. 4.

Не принял ли именно такое решение вконец озлобившийся на Раковского Сталин? В этой связи поразмыслим, читатель, вот о чем. Все рассмотренные нами антисталинские документы Раковского, опубликованные за границей, были написаны им за два года — с августа 1928 г. по август 1930 г. Другие более поздние серьезные материалы оппозиционного характера до нас не дошли. А ведь до возвращения в Москву весной 1934 г. оставалось еще почти четыре года. Неужели Христиан Раковский, столь интенсивно работавший доселе, вдруг совершенно перестал писать от имени оппозиции? Конечно же, нет! Вероятно, после сталинского окрика сотрудники ОГПУ наглухо замкнули кольцо вокруг него, и все написанное попадало в их руки.

На этот счет есть неизвестные уникальные свидетельства самого Раковского из упомянутых уже показаний 1937 г. (может, не стоит доверять им полностью, но и не прислушаться, судя по всему, нельзя). Так вот, Христиан Георгиевич свидетельствовал, что вокруг него была организована настоящая «блокада», правда, по его словам, лишь в конце 1932 г. О плотности ее говорит то, что в течение 1933 г. блокаду эту удалось «сорвать» всего лишь два раза — в мае и декабре. Да и то речь шла только о передаче Раковскому писем.

В 1931 и 1932 гг. Раковскому разрешили лечиться на бальнеогрязевом курорте Шира, близ одноименного горько-соленого озера, но и здесь за ним смотрели неотлучно. Скажем, он рассказывал в показаниях о «программном документе», который был захвачен при обыске в 1932 г. «Документ назывался «Назад к Советской конституции, назад к партийной Программе». Можно только догадываться по названию, что Раковский призывал вернуться к основополагающему источнику — ленинской Программе партии. Кстати, в сентябре 1932 г. ему снова продлили срок ссылки. Не этот ли документ послужил поводом?

Упоминал Раковский еще один документ под названием «Памятка большевика-ленинца», написанный им в мае 1933 г. «В этом документе, — писал он, — я повторяю программные требования документа предшествующего года («Назад к Советской конституции»), но аргументация здесь неизмеримо более сгущенная». Хотя это может показаться странным, но Раковский в своих письменных показаниях ничуть не скрывал своих взгля-

дов, только называя их время от времени для порядка «клеветническими» или «возмутительными».

Это позволяет четко выделить по крайней мере три тезиса «Памятки большевика-ленинца». Во-первых, Раковский утверждал в ней, что генеральная линия партии привела к кризису, который перерастает в катастрофу. Поэтому «неминуемо повторение преднэповского периода, когда придется круто изменить всю политику». Во-вторых, он, как и прежде, доказывал, что в характере пролетарской диктатуры и в структуре идеологии самой партии произошло полное перерождение: «Оставаясь социалистической в своей основе, поскольку земля и другие орудия и средства производства являются общественным достоянием, пролетарская диктатура превратилась в государство сословное. Служебное сословие подменило пролетариат и трудящиеся массы». Наконец, Христиан Раковский продолжал разоблачать «действия верхушки против партийной массы».

Есть краткие сведения еще об одном документе, написанном в декабре 1933 г. Если верить показаниям Раковского, в нем уже содержалась «критика троцкизма в вопросах о перманентной революции и в профсоюзной дискуссии, где Троцкий выступал в роли **теоретика руководящей роли бюрократизма».** Мне представляется, что так оно и было, ведь до телеграммы Раковского в Москву об отказе от оппозиционной деятельности и разрыве с троцкизмом оставалось всего два месяца.

Вот мы и подошли к тому порожку в биографии нашего героя, о который спотыкаются — и в этом нет ничего удивительного — ученые и публицисты: 17 февраля 1934 г. Христиан Раковский дал из Барнаула в Москву, в ЦК ВКП(б), телеграмму о полном и безоговорочном прекращении идейной и организационной борьбы против руководства и генеральной линии партии, подчинении партийным решениям и дисциплине. А в апреле 1934 г. в центральной печати было опубликовано покаянное заявление Раковского на этот счет, свидетельствующее о том, что его пути с Троцким резко разошлись.

Как он пришел к этому решению, опрокинувшему всю его сознательную жизнь? Какие философские размышления и человеческие мучения за ним стоят? Что потерял в душе своей и что приобрел в земной жизни? Предавал идею или хотел перехитрить Сталина? А может, все предельно просто — слаб человек?

Трудные, очень трудные вопросы... Особенно если учесть, что речь идет о самом крупном и стойком борце против Сталина и сталинщины, остававшемся в стране, который однажды написал в письме товарищу по ссылке: «Самое страшное — не ссылка и не изолятор, а капитуляция». А в очень тяжкое время, когда один за другим капитулировали перед Сталиным соратники по оппозиции, Христиан Раковский однозначно заявил: «Я предпочитаю скорее побег из ссылки, чем двурушническое заявление». В апреле 1933 г. Троцкий восхищенно писал о нем: «Именно в этот трудный период репрессий и капитуляций больной и изолированный Раковский показал, какая несокрушимая твердость характера таится за его мягкой благожелательностью к людям и деликатной уступчивостью».

Но уже через год... Да, трудные, очень трудные вопросы. Особенно для историков, не обладающих, как писатели, правом вымысла, жестко зависимых от документов. А их явно недостает для всестороннего анализа ситуации и самого, казалось бы, на первый взгляд неожиданного шага Христиана Раковского.

Все так — ответить трудно. Но и не ответить нельзя. Одним из первых попытался сделать это харьковский ученый Чернявский: «Февральская телеграмма и апрельское заявление, — писал он, — означали попытку, сохранив жизнь путем прекращения антисталинской борьбы, сберечь себя для возможного возобновления активной общественной и политической деятельности в случае серьезных изменений в партии и стране, которых нельзя было исключать полностью» [17].

Отдадим должное этому выводу, извлеченному из анализа известных его автору документальных источников. Но не остановимся на нем. Попробуем вынести на читательский суд и другие соображения, размышления, предположения. Они касаются преимущественно той сферы, которая не связана исключительно с сохранением жизни даже во имя борьбы со сталинизмом.

Прежде всего, мне думается, что полнокровная оценка происшедшего станет возможной только в том случае, если мы проникнемся неизбывным желанием Христиана Георгиевича вернуться в партию, о котором не-

---

[17] Чернявский Г. И. Х. Г. Раковский на судебном фарсе 1938 г. // Новая и новейшая история. — 1990. — № 4. — С. 80—81.

однократно упоминалось. Все же приведу еще два неизвестных и потрясающих по силе подтверждения — из писем к Троцкому. 2 июня 1928 г. Раковский писал, обсуждая с другом предполагаемое заявление оппозиции: «Оно должно говорить правду и в то же самое время оно должно отражать наше искреннее и горячее желание вернуться в партию, чтобы оказать ей всемерное содействие... Нет никаких признаков, говорящих, что руководство партии охвачено таким же желанием. Есть признаки другого свойства. Это не должно мешать выполнить свой долг перед партией». И еще фраза, написанная 21 июля 1928 г.: «Считаю, что две идеи для нас ясны и обязательны: защищать свои взгляды и, когда случай представится, постучаться в двери партии». Запомним это.

Отмечу также необходимость рассматривать решение Раковского в контексте международных событий и внутреннего положения в стране. Действительно, приход фашистской партии к власти в Германии, усиление международной напряженности не могли не заставить Раковского еще раз задуматься над своей позицией. Здесь очень важно понять своеобразное психологическое состояние человека, стоящего в оппозиции к руководству страны в условиях возрастания военной опасности для СССР. Не случайно в апрельском заявлении Раковского особо подчеркивалось, что мысль об отказе от оппозиционной деятельности созрела в нем под влиянием международных событий.

Что касается внутреннего аспекта, то историк Чернявский акцентирует внимание на том, что в первые месяцы 1934 г. руководящие круги ВКП(б) давали понять о своем стремлении к внутриполитическому сплочению, усыпляли бдительность бывших оппозиционеров, создавали видимость их привлечения к активной работе. Мне же хотелось бы сосредоточиться на собственных размышлениях Раковского по поводу положения в стране и партии. И речь вовсе не о том, что реальная действительность начала опрокидывать основополагающие опоры теоретических и политических оценок, взглядов, ориентиров лидера антисталинской оппозиции. Речь о том, что реальная действительность не была одноцветно мрачной, ее палитра содержала в себе немало светлого, в том числе невиданный созидательный порыв и искреннюю веру миллионов людей. Нельзя, никак нельзя сбра-

сывать со счетов то, что Раковский назвал на суде «благоприятным впечатлением о социалистическом строительстве». Это не могло не заставлять честного революционера и политика, каким был Раковский, снова и снова переосмысливать свою позицию. Пусть он был уверен в своей правоте, но как же это невероятно трудно — идти не в ногу с правящей партией и с огромной страной. Поневоле задумаешься, а во всем ли ты прав? И если даже прав, то так ли надо себя вести?

Очень тяжело было сознавать, что более шести лет он не участвует в обыкновенной, повседневной работе страны, созидающей социалистическое общество вопреки их оппозиционному постулату «о невозможности построения социализма в одной стране». В апрельском заявлении 1934 г. Христиан Раковский назвал это положение основной теоретической ошибкой троцкистско-зиновьевской оппозиции, ее ахиллесовой пятой. Мне слышится в этом признании больше искренности, чем вынужденности.

И еще были размышления, которые иначе как мучительными не назовешь. Вспоминая о своей работе председателем Совнаркома Украины, в ЦК РКП(б), он с откровенностью кристально честной натуры говорил себе о том, что сам не мог не быть причастным к осуществлению политики и созданию системы, которую теперь нарекал «сталинским режимом»: «Я не мог не отдать себе отчета в том, что я сам в качестве члена ЦК и члена правительства поддерживал и усердно проводил эту политику и что моя кампания против «чудовищной» власти центрального руководства является отрицанием моего собственного политического прошлого...».

Какое поразительное саморазоблачение! Тем более что сделано оно во время следствия в 1937 г. А ведь не ждали вовсе от Христиана Раковского именно этого признания, следствию оно было без нужды и пользы. Но наряду с тем, чего от него действительно добивались — признания в антисоветской контрреволюционной работе, — выплеснулось и самое наболевшее, очень искреннее, личное, хотя, собственно, идея сопричастности оппозиции к формированию сталинского режима прозвучала уже в апрельском Заявлении Раковского в 1934 г.

Но вот единственно в показаниях выплеснулись размышления, которые давались Раковскому особенно тяжко: он пытался мысленно возвратиться к истокам ста-

линского режима, сталинской авторитарной власти и всякий раз сталкивался с именем Ленина. Нет, читатель, я не стремлюсь выглядеть безоглядно современным, затрагивая эту модную в последнее время проблему, просто хочу быть честным по отношению к человеку, о котором пишу. «Дело в том, что укрепление авторитета центральной власти, ее усиление, сосредоточение в ее руках материальных средств, усиление подавления классового врага — это являлось постоянной политической линией партии еще при Ленине», — мне кажется, что эти слова в «Показаниях обвиняемого X. Раковского» написаны им на одном выдохе, как очень хорошо продуманные. Ведь еще в документе, написанном в декабре 1933 г., он заявил, что к «изменениям (которые сейчас принято называть деформациями. — **В. М.**) в характере централизованной власти... причастны мы все с Лениным вместе».

Не место здесь углубляться в очень сложную и широкообсуждаемую ныне проблему: лично я не считаю Ленина, как и Раковского, родоначальниками сталинщины. Но твердо знаю одно: Христиан Раковский не тот политик и человек, размышления которого можно игнорировать даже через несколько десятилетий. Слишком дорого это нам обошлось...

Добавлю только от себя, что Троцкий и Бухарин, Зиновьев и Каменев в разное время и по-разному действительно содействовали восхождению Сталина и утверждению сталинского режима. Раковский в этом участия не принимал.

Итак, на мой взгляд, не одна только забота о сохранении собственной жизни обусловила февральскую телеграмму и апрельское Заявление Раковского в 1934 г. Вероятно, это естественное человеческое стремление к самосохранению и выживанию стало той ртутью, с которой сплавились в одну амальгаму ощущение немыслимости и ненужности своей жизни вне партии и желание любой ценой присоединиться ко всему народу, обреченность и непокорность, мужество и бессилие, рефлексия и ясновидение, смятение и надежда.

Как бы там ни было, объективно все это свидетельствовало о том, что Сталину удалось фактически сломить политическое сопротивление лидера оппозиции.

31 мая 1934 г. Раковскому была дана должность начальника Управления научных институтов Наркомздра-

ва РСФСР, одновременно он стал заместителем председателя Научного медицинского совета наркомата. В этом же году — еще один красивый, но, как выяснилось затем, коварный жест со стороны руководства — Раковскому было поручено возглавить советскую делегацию Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР на международной конференции обществ Красного Креста в Токио. Понимал ли Христиан Раковский, что Сталин только ослабил свою мертвую хватку, но вовсе не помиловал противника? Конечно, понимал. И все же надеялся выжить. Эта двойственность состояния изматывала, угнетала, унижала. Казалось, он обрел хорошую работу и нормальную жизнь. Однако взамен отдал возможность оставаться самим собой, свободно думать вслух, ходить с поднятой головой. Эта духовная опустошенность была страшнее физических болячек, одолевавших его. Полпред СССР в Японии Юренев, принимавший Раковского в этой стране осенью 1934 г., свидетельствовал на очной ставке с ним в 1937 г.: «...приехал ко мне человек исковерканный, изломанный, вообще больной».

Уверен, что восстановление в партии в 1935 г. не стало для Раковского восстановлением душевного равновесия. Не о таком возвращении в партию он мечтал и вовсе не за это боролся в ссылке: большевик с партбилетом в кармане и замком на устах... Нонсенс! Достоверную картину жизни Христиана Раковского с весны 1934 г. по январь 1937 г. еще нужно воссоздавать после соответствующего поиска документов, свидетельств. Важно хотя бы в общих чертах представить себе тяжелейшее психологическое состояние этого необыкновенного человека в трагическое для всей страны время. Христиан Раковский находился на самом изломе этого страшного времени, острый край которого беспощадно израннвал сталинского оппонента, по крайней мере четырнадцать лет — до самого расстрела.

В 1936 г. случилось событие, означавшее всенародную и полную политическую капитуляцию оппозиционера Христиана Раковского перед Сталиным. В ходе процесса по делу так называемого антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра (19—24 августа) в «Правде» появилась 21 августа его статья «Не должно быть никакой пощады!». Этот призыв касался обвиняемых по процессу Зиновьева, Каменева, Евдоки-

мова, Смирнова, Бакаева и еще 11 человек. В статье Троцкий назывался политическим авантюристом, негодяем и мерзавцем, руки которого запачканы кровью С. М. Кирова. В то ж время выражалось «чувство безграничной и горячей симпатии к любимому вождю и учителю трудящихся масс товарищу Сталину и его ближайшим соратникам, чувство полной, безоговорочной политической солидарности с линией партии...».

Автор уже излагал подробно свои соображения о причинах появления на свет этого тягостного документа [18]. Не считаю возможным обвинять или защищать Христиана Раковского. Не в этом дело. По-моему, главное — это вдуматься, по-человечески понять. Сделать это невероятно тяжело, больно. Если хотите, тот, кто разберется хотя бы для себя с обстоятельствами публикации Раковским статьи в «Правде», во многом разберется и во времени Сталина... Я же только хочу напомнить читателю, что Христиан Раковский полной мерой искупил появление этой вынужденной статьи. Своей борьбой против Сталина, своей смертью от Сталина.

Купленная дорогой ценой относительная свобода была недолгой. В январе 1937 г. Сталин начал новый судебный фарс по делу так называемого троцкистского «параллельного центра», в принадлежности к которому обвинялись Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Н. И. Муралов, Я. Н. Дробнис и др. На судебном заседании последний заявил о причастности Раковского к антисоветской деятельности, связи с западносибирским троцкистским центром, в осведомленности о директивах Троцкого относительно террора и диверсий. Эти показания, опубликованные в «Известиях», произвели на Раковского впечатление разорвавшегося совсем рядом снаряда...

Он отчетливо понял, что арест неотвратим.

И мертвые заговорят

Мне приходилось листать и изучать тысячи архивных дел, было среди них и немало таких, которые нельзя читать без спазма в горле: историк снова переживает исчезнувшие во времени людские трагедии. Однако в архиве КГБ я работал

[18] См.: Владимир Мельниченко. Непокоренный. Научно-художественная книга о Христиане Раковском. — Киев: «Молодь», 1990 (на укр. языке). — С. 174—177.

впервые, и архивно-следственное дело № 967582 Христиана Георгиевича Раковского потрясло меня особенно. Под обложкой ядовито-розового цвета более полувека было сокрыто так много человеческого горя, что, пожалуй, только строки из ахматовского «Реквиема» в состоянии передать его: «Перед этим горем гнутся горы, не течет великая река...»

Объемистый том (свыше 370 листов) открывает ордер № 9794 Главного управления государственной безопасности НКВД от 27 января 1937 г. на арест Раковского Христиана Георгиевича. А завершает справка с грифом «Секретно», исполненная рукой младшего лейтенанта госбезопасности Михалева: «Приговор о расстреле Раковского Христиана Георгиевича приведен в исполнение в гор. Орле 11.IX.1941 г.» Между этими двумя жуткими документами — материалы сфабрикованного дела...

Итак, 27 января 1937 г. Христиан Раковский был арестован в своей квартире в Москве в Старо-Пименовском переулке, 16, кв. 2. Следственное дело хранит квитанции о принятии от него в тюрьме одежды, книг (все скрупулезно перечислено, вплоть до носков и нижнего белья), денег (219 руб. 52 коп.) и наград: ордена Красного Знамени и двух орденов Трудового Красного Знамени. Поразительно точно описал кощунственную процедуру выдачи таких квитанций в тюрьме Александр Солженицын в «Круге первом». А затем его сфотографировали — «один раз в лоб, другой раз в профиль». Все именно так! Следующими в деле Раковского расположены две фотографии арестованного: напряженное лицо пожилого человека. В профиль — обращает внимание привычно независимая, аристократичная посадка красивой, крупной головы; в анфас — неодолимо влекут к себе умные, измученные глаза.

Затем в деле подшита Анкета арестованного, заполненная в день ареста. А вот «Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения» оформлено ... 9 апреля 1937 г. Этот явно запоздалый документ свидетельствует, что «Раковский Христиан Георгиевич достаточно изобличается в том, что он являлся участником контрреволюционной троцкистской террористической организации». Ни единого документального подтверждения этому в деле нет, отсутствуют даже протоколы допросов в первые месяцы — для следствия они были бесполезны, ведь Раковский полностью отрицал предъявленные ему обвинения.

Именно к такому выводу пришел Пленум Верховного суда СССР, состоявшийся 4 февраля 1988 г. и пересмотревший дело по обвинению Христиана Раковского. В постановлении пленума говорилось, что на первоначальных допросах Раковский, как и Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, А. П. Розенгольц, П. П. Буланов, в течение нескольких месяцев незаконно содержавшиеся под стражей без предъявления обвинения и без продления срока содержания под стражей, виновными себя в шпионской, вредительской, диверсионной и террористической деятельности не признавали и утверждали, что никаких преступлений против своей Родины и советского народа не совершали.

Так продолжалось четыре месяца. И вдруг 1 июня 1937 г. Раковский написал наркому внутренних дел СССР Ежову заявление, в котором говорилось: «После четырехмесячного запирательства на следствии я пришел к убеждению, что лишь коренное изменение моей позиции является единственно правильным. Приступая к даче

показаний, полных и искренних, я заявляю, что до последнего времени я оставался троцкистом и был связан с троцкистским подпольем».

Можно было бы поражаться такому повороту дела, если бы мы не знали сегодня методов воздействия на подследственных, применяемых в сталинских застенках. И все же, все же... Как это случилось в конкретном случае с Раковским? Как сталинские подручные заставили этого мужественного человека с полувековым революционным стажем оклеветать себя?

Позволь мне, читатель, попытаться ответить на эти мучающие не только меня одного вопросы. Прежде всего хочу сказать, что предварительное следствие по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока, где проходил и Раковский, осуществлялось не только с грубейшими нарушениями законности, но и попранием элементарной человечности, от обвиняемых непозволительными методами добывались признания.

Однако же не только в этом преуспели заплечных дел мастера. Они осваивали и более изощренные формы расчеловечивания заключенных, в том числе методами психологического воздействия. Говоря словами В. Гроссмана из романа «Жизнь и судьба», «тех, которые продолжали упорствовать в своем праве быть людьми, начинали расшатывать и разрушать, раскалывать, обламывать, размывать и расклеивать, чтобы довести их до той степени рассыпчатости, рыхлости, пластичности и слабости, когда люди не хотят уже ни справедливости, ни свободы, ни даже покоя, а хотят лишь, чтобы их избавили от ставшей ненавистной жизни». Заключенных доводили до того запредельного состояния, когда они, «обезумев от муки» (Ахматова), утрачивали само желание жить. Самых сильных из них уже не удавалось заставить сознаваться в несодеянном с помощью издевательств и пыток. Однако случалось, что весьма эффективным был другой коварный прием. Хорошо известно, что заключенных, особенно такого высокого ранга, как Раковский, нередко подвергали неимоверному психологическому прессингу, требуя «признаний» во имя партии, Советской власти, высших интересов революции, некоторых из них — честных и преданных революционному делу — действительно удавалось убедить, что так можно помочь партии в борьбе против внешних и внутренних врагов.

Вероятно, от Раковского требовали осуждения «троцкистско-зиновьевской банды», которая, как ему твердили, заодно с фашистами. Ведь он отмежевался от Троцкого еще раньше. В чем же дело?! Вероятно, его убеждали и в существовании разветвленной сети троцкистского антисоветского подполья, он мог бы помочь искоренить его. В упомянутом заявлении Раковского от 1 июня 1937 г. есть такие слова: «Обещая быть откровенным и правдивым до конца, я рассчитываю, что мои показания о подпольной работе контрреволюционной троцкистской организации **помогут партии и государственному аппарату выкорчевать троцкистское подполье»** (подчеркнуто мною.— В. М.).

После этого на допросе 5 июня Христиан Раковский дал показания о своей «контрреволюционной троцкистской работе», правда, подчеркивая ее исключительно идейный характер: «лично я террористических позиций не разделял и никакой работы в этом направлении не вел». Однако следствие это явно не удовлетворило, Раков-

ского «обрабатывали» еще двадцать дней и 29 июня вынудили признать, что он «на деле разделял террористические установки подпольной троцкистской организации». Решив, очевидно, больше не уступать, Христиан Раковский на этом допросе заявил: «в своих показаниях все рассказал и больше ничего сообщить не имею».

Дальше в следственном деле зияет двухмесячный провал. Совершенно ясно, что Раковского вынуждали сделать очередное страшное признание — в измене Родине и связях с иностранными разведками. Возможно, в это время он в который раз мучительно думал о том, что его шаги в феврале и апреле 1934 г., а затем статья в августе 1936 г. в «Правде» были шагами в пропасть. В этот раз в обширном наборе воздействия на заключенного явственно прорисовывается следующий замысел: Христиана Раковского — яростного противника фашизма — стремятся убедить в том, что его «признания» могут послужить делу борьбы против этой коричневой чумы, набиравшей силу в Европе. Судя по всему, летом 1937 г. Раковский, который долгое время не имел никакой информации о международных событиях, при непосредственном участии своего следователя узнал о новых фактах интенсивной подготовки гитлеровской Германии к войне. Ему стало известно об интервенции Японии в Китае, начавшейся в июле 1937 г., об усилении поддержки Германией и Италией военно-фашистского мятежа в Испании.

— Я помню и никогда этого не забуду, пока буду жив, то обстоятельство, которое меня окончательно толкнуло на путь показаний, — скажет Раковский на суде. — Во время одного из следствий я узнал, это было летом, что разразилась японская агрессия против Китая, я узнал о неприкрытой агрессии Германии и Италии против испанского народа. Я узнал относительно лихорадочных приготовлений всех фашистских государств к развязыванию мировой войны. То, что читатель обыкновенно вычитывает в газетах каждый день по маленьким дозам, я получил сразу в крупной, массивной дозе.

Это признание Христиана Раковского выделяется своей искренностью в потоке той ужасной клеветы на себя, которая переполняла его, как и других обвиняемых, показания на суде.

Думаю, что тяжелым ударом для Раковского стало повторное исключение его из партии, состоявшееся 23 июля 1937 г. Выписка из протокола заседания бюро Красногвардейского РК ВКП(б) была получена следствием в середине августа. В ней говорилось: «Раковского Х. Г., как врага народа, арестованного органами НКВД, из рядов ВКП(б) исключить».

Надлом произошел осенью 1937 г., и он был главным. На суде Раковский даже не вспомнит свою первую июньскую попытку — через четыре месяца после ареста — оговорить себя. Он скажет так:

— Я должен заявить, что я себя признаю виновным с того момента, когда решил давать полные, исчерпывающие, откровенные показания. В течение 8 месяцев я запирался, отказывался... Только на 8-м месяце стал давать показания откровенные, касающиеся моей основной деятельности.

И еще он заявит: «Я считал, что отныне моя обязанность — **помочь в этой борьбе против агрессора** (Гитлера. — **В. М.**), что я пойду и разоблачу себя полностью и целиком, и я заявил сле-

дователю, что с завтрашнего дня я начну давать полные и исчерпывающие показания»[19].

Да, в течение сентября — октября 1937 г. Раковский семнадцать раз дает показания на допросах, очных ставках, в письменных «собственноручных показаниях» и «дополнениях» к ним.

Началось все с заявления Ежову от 4 сентября 1937 г., в котором говорилось: «В момент когда Советская родина может оказаться перед всякими международными осложнениями, я считаю вдвойне своим долгом... рассказать чистосердечно, полностью и целиком все, что мною было совершено...» Через три дня Раковский оклеветщет себя в «собственноручном показании», написанном карандашом на 33 страницах. И если в июне ни слова не было сказано о шпионаже, измене Родине, то теперь показания начинались так: «Приступаю без всякого предисловия к исчерпывающему изложению всех обстоятельств и фактов моей шпионской деятельности против СССР и в пользу Японии...». Почему именно Японии? Да просто потому, что осенью 1934 г. Раковский, как мы уже знаем, посетил эту страну во главе делегации советского Красного Креста на международной конференции в Токио.

А еще через несколько дней — 14 сентября — появятся письменные «дополнительные собственноручные показания арестованного Раковского Х. Г.», которые он начнет так: «В моих показаниях, данных несколько дней тому назад, я, разоблачив свою шпионскую деятельность в пользу японского правительства, разоблачив связь Троцкого с «Интеллидженс-Сервис» еще в 1927 году, не нашел в себе, однако, мужества разоблачить свою собственную деятельность в пользу «Интеллидженс-Сервис». Я был завербован в «Инт.-Сер.» в конце 1924 г.» Ну тут тем более понятно — в это время Раковский был советским послом в Англии.

Итак, японский шпион и английский агент. В приговоре суда в марте 1938 г. так и было записано: «Раковский являлся агентом английской разведки с 1924 года и японским шпионом с 1934 года». Меня до сих пор мучает вопрос: о чем думал Христиан Георгиевич в то мгновение, когда с его сожженных бесконечным страданием и дикой несправедливостью уст сорвались на суде вот эти слова: «Я признаю, что начиная с 1924 года я являюсь изменником советской социалистической родины».

Мне кажется, что тогда, в сентябре—октябре 1937 г., достигли своего пика разнообразные многомесячные усилия мучителей больного шестидесятичетырехлетнего старика. На какое-то время его удалось сломить физически, тем более что Раковский болел в тюрьме. Характерный штрих: полпред СССР в Японии Юренев (у него жил Раковский, когда приезжал в страну), вызванный на очную ставку с Раковским 22 сентября 1937 г., не узнал его в измученном доходяге-заключенном Лефортовской тюрьмы. Из протокола очной ставки: «**Вопрос Юреневу:** Вы знаете друг друга? **Ответ**: Раковский, я не узнал Вас, а вообще знаю очень давно» (ничего удивительного: на фотографию Раковского, сделанную летом 1937 г., страшно смотреть. — **В. И.**). Судя по всему, Христиан Раковский очень тяжело переживал эти обессиливающие человека дни физического и морального надлома, когда заключенный превращался в

[19] Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока»... — С. 282—283.

механический автомат, исполняющий волю следователя, повторяющий заранее отработанные фразы. Кстати, в самом конце протокола зафиксированы такие многозначащие слова Юренева: «Тут были люди и говорили, как заводные, они просто механически повторяли».

В ходе очной ставки Раковский откликнулся на потрясение Юренева от его внешнего вида. В протоколе, очевидно, уже после правки следователем, это выглядело так: «Вы меня не узнали, тюремный режим имеет одно свойство, что режим питания умеренный, прибывать в весе не дают. Это действовало на мою болезнь, но потом мне стали давать некоторые льготы в смысле продуктов, но я не из-за этого сознался».

Для меня последние слова Христиана Раковского — одни из самых мучительных во всем следственном деле. Лично я убежден, что «сознался» он действительно «не из-за этого». Однако же сколько неизбывного горя и унижения слышится в этом еле различимом крике души сильного и стойкого человека! Христиан Раковский даже в таком состоянии не переставал повторять главное, что толкнуло его к ложным показаниям против самого себя. Он и Юреневу сказал: «...я в конце концов понял, что нужно разоблачить себя, **чтобы разоблачить Троцкого и чтобы дать возможность партии укрепить тыл и против внутренних реставраторов, и против внешней агрессии»** (подчеркнуто мною. — **В. М.**).

Пусть простят меня читатели за эти непривычные сведения о Раковском. Я не судья Христиану Георгиевичу, я только хочу сказать всю правду. Давайте попытаемся вместе понять всю бездонную глубину человеческой трагедии Христиана Раковского и таких как он! Во имя того, чтобы это никогда с нами не повторилось. Никогда!..

3 декабря 1937 г. следователь по важнейшим делам при прокуроре Союза ССР Л. Шейнин провел завершающий допрос обвиняемого Раковского в присутствии прокурора Вышинского. Христиан Раковский подписал протокол допроса, в котором были следующие слова: «...свою принадлежность к контрреволюционной троцкистской организации, свою связь с японской и английской разведками и свою шпионскую деятельность для этих разведок подтверждаю полностью».

Через два с лишним месяца — 25 февраля 1938 г. — тот же Шейнин предъявил Раковскому «Протокол объявления предварительного следствия законченным». Как свидетельствует этот документ, «Раковский Х. Г. заявил, что дополнить следствие ничем не может, с делом знаком, защитника иметь не желает, заявлений прокурору СССР не имеет». На следующий день Христиан Раковский получил копию обвинительного заключения о предании его суду Военной коллегии Верховного суда СССР по статьям 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

Спустя несколько дней — 2 марта 1938 г. — Раковский вместе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, Н. Н. Крестинским и другими обвиняемыми по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» предстал перед Военной коллегией Верховного суда Союза ССР.

Анализируя ныне судебный отчет по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока, опубликованный с завидной оперативностью в 1938 г. (свыше 700 страниц текста!), отчет-

ливо видишь, что в нарушение закона Военная коллегия Верховного суда СССР не привела по этому делу никаких конкретных доказательств виновности Раковского, как и других обвиняемых, в совершении особо опасных государственных преступлений, ограничившись их показаниями на предварительном следствии и в суде. При оценке этих показаний органами следствия и судом было цинично растоптано важнейшее требование закона о том, что никакие доказательства, в том числе и признание обвиняемым вины, не имеют заранее установленной силы и могут быть положены в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении совокупностью других доказательств. По данному же делу показания Раковского, других обвиняемых не могли быть положены судом в основу приговора потому, что они противоречивы, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и получены в результате грубейших нарушений законности в процессе предварительного следствия и судебного разбирательства.

В деле полностью отсутствуют доказательства вины Христиана Раковского, как и Чернова, Розенгольца, в шпионаже, а Бухарина и Рыкова — в руководстве шпионской деятельностью названных обвиняемых. Отмечу здесь отдельно, что проведенными компетентными органами проверками установлено: сведений о связи кого-либо из осужденных с иностранными спецслужбами не имеется.

«Личное дело заключенного», хранящееся в Центральном архиве КГБ СССР, помогло мне проследить судьбу Раковского после приговора (20 лет заключения). Еще четыре месяца он оставался в Москве, в основном во внутренней тюрьме НКВД, а 27 июля 1938 г. был доставлен в Соль-Илецкую тюрьму (Оренбургская область). Через год, 20 августа 1939 г., Раковского перевели в орловскую тюрьму, подчинявшуюся Главному управлению госбезопасности НКВД СССР.

Сейчас мы немало знаем о жизни миллионов заключенных в сталинских тюрьмах и лагерях, особенно из опубликованных воспоминаний и книг тех, кто этот ад сполна испытал на себе. Достаточно напомнить рассказы Варлама Шаламова, «Непридуманное» Льва Разгона и «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Не говоря уже об «Архипелаге ГУЛАГ» Александра Солженицына...

Поэтому мы можем себе представить жуткие условия жизни старого и больного узника 42-й камеры 2-го корпуса орловской тюрьмы. В одном из заявлений в мае 1941 г. Раковский писал: «Теперь я уже дряхлый старик... меня одолевает одышка... у меня головокружения и обморочные состояния... Я стал инвалидом». На что обычно из Тюремного управления НКВД СССР приходили ответы, подобные этому: «Сообщите заключенному Раковскому Х. Г., что в переводе его на больничное питание отказано». Все просьбы о помиловании на имя Сталина и Берии были «оставлены без удовлетворения».

Казалось бы, этот изможденный тюрьмой старик запечатлится в нашей памяти навеки сломленным. Однако сохранились потрясающие свидетельства того, что Раковский остался непокоренным в своем отношении к сталинизму и Сталину, к системе, которую тот создал. Скажем, его краткая тюремная характеристика в 1941 г. выглядела так: «Содержась в тюрьме, проявляет себя озлобленным и непримиримым врагом Советской власти. Систематически распространяет контрреволюционную клевету». Конечно, палачам верить

нельзя, подлинными врагами Советской власти были как раз именно они. Но им не откажешь в понимании того, что Христиан Раковский не сдался.

В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 сентября 1941 г. Раковский был признан виновным в том, что в период отбывания наказания «проводил среди лиц, находившихся в местах заключения, антисоветскую агитацию и распространял клеветнические измышления о советской действительности». Пленум Верховного суда СССР 4 февраля 1988 г. отметил, что по этому делу Раковский был осужден без производства предварительного следствия и судебного разбирательства. В материалах дела отсутствуют какие бы то ни было данные о совершении вмененных ему по приговору преступлений, в связи с чем данный приговор нельзя признать законным. Известно, что Пленум Верховного суда СССР отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 сентября 1941 г. в отношении Раковского, по которому он был расстрелян, и дело прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления. Как говорится, справедливость восторжествовала. Правда, с опозданием почти в полстолетия.

Однако здесь хочу сказать совсем о другом. Вряд ли мы можем сомневаться в том, что Христиан Раковский действительно допускал в среде заключенных высказывания, которые в то время иначе как «антисоветской агитацией» не назывались, рисовал истинное лицо тогдашней «советской действительности», что, конечно же, в приговоре было квалифицировано как распространение о ней «клеветнических измышлений».

В этой связи приведу показания, полученные в 1956 г. от бывшего сотрудника НКВД СССР Я. Аронсона, который, кстати, допрашивал Раковского в июне 1937 г. По его словам, Раковский заявил в мае 1941 г.: «Я решил изменить свою тактику; до сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о самом деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех «тайн мадридского двора» — советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как у нас «стряпают» дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните ... когда-нибудь и трупы заговорят».

...В первых публикациях о Раковском, появившихся в нашей стране в 1988 г., датой его смерти называли 3 октября 1941 г. Версия была такой: в этот день советские войска оставляли Орел, а поэтому заключенных спешно расстреляли. Пусть вспомнит читатель, как в пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!» М. Спиридонова говорит о себе: «В 1941 году за несколько часов до прихода немцев в Орел была расстреляна вместе с большевиком Христианом Раковским». Однако в действительности их расстреляли значительно раньше — 11 сентября — за три недели до вступления немцев в город, хорошо продумав и организовав это преступление. Для расстрела заключенных в орловскую тюрьму прибыла специальная оперативная группа из Наркомата внутренних дел. Их препровождали в особую камеру, где каждому вкладывали в рот матерчатый кляп, завязывали его тряпкой, чтобы нельзя было вытолкнуть, и только после этого объявляли приговор о предстоящем расстреле. Затем всех выводили под руки во двор тюрьмы и сажали в крытую машину Среди той информации, которую собрала Главная военная

прокуратура, самое жуткое впечатление на меня произвел вот этот факт: на месте погребения расстрелянных в Медведевском лесу (десять километров от Орла) были предварительно выкопаны с корнями деревья. После убийства деревья посадили на свои места. Место погребения так и не удалось найти.

* * *

Так закончилась победой тирана борьба Раковского против Сталина. Закончилась? Победой Сталина? История подсказывает другую концовку этой драматической борьбы. Хотя, собственно, не концовку, а продолжение. Ибо не победил Сталин Раковского. Твердо верю — и не победит. Порукой тому видится мне инстинкт самосохранения и здравый смысл пробудившегося советского общества. Однако достаточно оглянуться вокруг, чтобы убедиться: борьба Раковского против Сталина продолжается. И мы — ее участники.

Человек, слава Богу, не мыслит себя без нравственных ориентиров в прошлом. В последние годы произошла невиданная переоценка ценностей в общественном сознании советских людей. Рухнули многие старые кумиры, высветились новые, незаслуженно забытые человеческие судьбы. Так хочется, чтобы память нашего современника сберегла облики действительно ярких исторических личностей. Христиан Георгиевич Раковский достоин твоей памяти, читатель.

Научно-популярное издание

Мельниченко Владимир Ефимович
РАКОВСКИЙ ПРОТИВ СТАЛИНА

Редактор Л. Б. Ястребов
Мл. редактор И. В. Федорова
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор Т. Н. Захаренкова
Корректор Е. К. Шарикова

ИБ № 11778

Сдано в набор 08.08.91. Подписано к печати 20.08.91. Формат бумаги 84×108[1]/[32]. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,47. Уч.-изд. л. 3,73. Тираж 22 630 экз. Заказ 1134. Цена 30 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 910009.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Научно-популярная серия
издательства "Знание"
"ПРАВО В НАШЕЙ ЖИЗНИ"

В доступной форме
и на высоком профессиональном уровне

Юридическая консультация,
практические комментарии
нового законодательства,
новейшая правовая информация
по всем отраслям права:
хозяйственного, гражданского,
уголовного,
административного, финансового и т.д.
- в деловой, бытовой повседневной жизни -
НЕОБХОДИМЫ, АКТУАЛЬНЫ, ВАЖНЫ.

Выписывайте и читайте серию
"ПРАВО В НАШЕЙ ЖИЗНИ"
ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ
"СОЮЗПЕЧАТИ" - 70094